

18+

Александр Лонс

A promotional image for a film or TV series. It features three characters in tactical gear standing in a forest. The character in the center is a woman with long brown hair, holding an assault rifle. She is flanked by two men, also in tactical gear and holding rifles. They are all looking directly at the camera with serious expressions. The background is a dense forest with tall trees and sunlight filtering through the canopy. The title is overlaid in large white text.

**АГЕНТСТВО
«ДОБРЫЙ ВЕЧЕР»**

Александр Лонс

Агентство «Добрый вечер»

«Издательские решения»

Лонс А.

Агентство «Добрый вечер» / А. Лонс — «Издательские решения»,

Сначала они — «чистильщики», мастера замечать следы. Потом они открывают скромное детективное агентство, помогающее отчаявшимся. Но прошлое не отпускает. Очередное дело оборачивается игрой, где ставки — их жизни, а правила меняются на ходу. Когда каждый след ведёт в тупик, а доверять нельзя никому, остаётся только одно — вспомнить, кем они были на самом деле. И сделать выбор, от которого зависит всё.

© Лонс А.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Зброшенный дом	6
Глава 2. В режиме теней	11
Глава 3. Склад	16
Глава 4. Минула пара месяцев	21
Глава 5. Прошло ещё два месяца	25
Глава 6. Лес	31
Глава 7. Три недели	36
Глава 8. Новое дело	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Агентство «Добрый вечер»

Александр Лонс

© Александр Лонс, 2026

ISBN 978-5-0071-3101-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Александр Лонс

Агентство «Добрый вечер»

Все события, персонажи и диалоги в этом романе, являются плодом воображения автора. Любое сходство с реальными людьми, как живущими, так и умершими, а также с истинными организациями, заведениями, объектами авторского права, компаниями или государственными структурами является случайным совпадением. Упоминания подлинных организаций, веществ, географических названий и исторических фактов используются исключительно для придания повествованию достоверности и не меняют вымышленный характер сюжета.

Глава 1. Заброшенный дом

Заброшенный дом выглядел на удивление хорошо — сказался режим охраняемого элитарного посёлка. Снаружи никто бы не догадался, что особняк пустует уже несколько лет. Когда чемоданы с реактивами и инструментами внесли в холл, я обвёл взглядом большую гостиную, на мгновение задержался на паре свежих трупов в углу и повернулся к группе. После исчезновения Профессора и гибели Искры нас осталось пятеро, и меня назначили старшим.

Позывные у парней подобрались с издевательской прямоотой: Ржавый, Серый, Чёрный и Резкий. Угадать, кто есть кто, не составляло труда. Ржавый действительно был рыжим, Серого звали Сергеем¹, Чёрный оказался выходцем из Центральной Африки, привезённым ещё младенцем в лихие времена, а Резкий то и дело нервно вскрикивал и дёргал головой — синдром Туретта², неизлечимый, но в нашем деле не слишком-то и мешающий. Ценили его, впрочем, не за это, а за фотографическую память и умение находить нестандартные решения за считанные секунды.

Пятым был я, позывной — Монтёр. Но после назначения, ребята называли меня не иначе, как Босс. Когда Степаныч ставил меня старшим в команде чистильщиков, он жестко предупредил: «Ты не груби им, но и сюсюкать не вздумай. Любую мягкость примут за слабость — не совладаешь потом».

— У нас пять часов, — дал я вводную, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — До приезда полиции здесь не должно остаться ничего, что позволило бы им зацепить след. Пожар исключён. Если хоть что-то уцелеет, пеняйте на себя. Инструкцию помните.

— Мы свою работу знаем, — буркнул Ржавый, не глядя на меня.

— Конечно. Но повторить обязан. По регламенту.

— Уже уяснили, Босс. Можно начинать? — в голосе Серого послышалась едва скрытая усмешка.

— Начинайте. Машина будет ждать за первым поворотом направо.

Оставлять транспорт в посёлке было бы глупо — охрана запомнила бы номера, сохранилась бы запись с камер. Мы прибыли поодиночке, на разных машинах, которые сразу же уехали, и внешне никто из нас друг с другом не пересекался. Работа без связей.

Четверо рассредоточились по комнате, и в тишине раздался едва слышный скрип. Я опустил взгляд. Время смерти — примерно час назад. На паркете расплылось тёмное пятно. Оно тянулось от трупа женщины в дорогом платье к лестнице на второй этаж. И в этом пятне, если приглядеться, отчётливо проступал отпечаток ботинка — чужого, не нашего, сорок пятого размера.

Чёрный перехватил мой взгляд и кивнул.

— Да, Босс. Кто-то уже побывал. Через второй выход ушел. — Он ткнул пальцем в приоткрытую дверь кухни, откуда тянуло холодом.

Я подошёл ближе. Замок аккуратно открыли изнутри. Профессионально и чисто.

Резкий дёрнул головой, коротко хрипнул и выдал:

— С-с-сука... На втором кто-то есть.

В комнате повисла звенящая тишина. Я медленно вытащил глушитель из кармана и накрутил на ствол.

¹ В период его детства всех Сергеев во дворе называли «Серыми».

² Синдром Туретта — врождённое расстройство нервной системы, которое проявляется моторными и голосовыми тиками: непроизвольным подергиванием, морганием, покашливанием или повторением звуков. Первые признаки обычно возникают в возрасте от 4 до 11 лет, но со временем у большинства людей симптомы делаются слабее.

— Ржавый, Чёрный — зачищаете первый этаж до фундамента, — прошептал я. — Серый, со мной. Резкий, показываешь, откуда звук.

Ржавый скривился, но возражать не стал. Впервые за вечер в его глазах мелькнула тень испуга. И я понял, что ошибся в самом главном: время у нас было, а вот одни ли мы в этом доме — вопрос.

Шаги наверху почти неслышно скрипнули, затем стихли.

Похоже, нас ждали.

Мы поднялись на второй этаж гуськом: Резкий впереди, нервно сжимая пистолет и вздрагивая при каждом шаге, за ним Серый с бесшумным арбалетом, я замыкал. Ступени не скрипели — дом был построен на совесть, но тишина давила на уши.

Резкий остановился у двери в спальню, ткнул стволом в сторону дубового полотна и беззвучно прошептал одними губами: «Здесь».

Я приник к замочной скважине. Внутри кто-то был — слышалось прерывистое, с хрипотцой дыхание. И ещё звук, который не вязался с обстановкой: тиканье механических часов с боем. На первом этаже никаких часов мы не заметили.

— По моей команде, — шепнул я, доставая отмычку. — Резкий, светишь фонарём по потолку. Серый, целясь в центр комнаты. Если побежит — ноги.

Замок мягко щёлкнул, я толкнул дверь плечом, и мы ворвались внутрь.

Комната оказалась бильярдной. Зелёное сукно стола заляпано чем-то тёмным, кий валялся на полу, а на кожаном диване, сжимая в руке маленький сейф, сидел мужчина в окровавленном костюме. Лет пятидесяти, лысеющий, с глубокой раной на боку. Он тяжело дышал и смотрел на нас без испуга — скорее с усталым облегчением.

— Наконец-то, — прохрипел он. — Я ждал чистильщиков, но те, — он кивнул в сторону двери, ведущей на балкон, — пришли раньше. Я убрал их. Одного — вниз, другого — в сад. Но меня зацепили.

Я опустил ствол. Внутри похолодело. Этого человека я знал. Позывной — «Слизень». Зачем тогда мы здесь?

— Ты давно тут? — спросил я, делая шаг вперёд.

— Нет, — выдохнул он и скривившись от боли. — Разрабатывал полицейский архив. Вчера вытащил дело, которое Степаныч приказал уничтожить. Там доказательства, что этот дом — не просто дом. Здесь проводили опыты на людях. И в списке жертв имена ваших людей. Он решил замести следы вместе со мной. Поэтому отправил вас, а заодно и тех двух, которых я завалил. Вы — пушечное мясо, парни. Как только вы закончите, придёт третья команда, чтобы убрать вас.

Резкий дёрнул головой и выругался. Серый переглянулся со мной, и я увидел в его глазах то же, что чувствовал сам: холодное осознание предательства.

— Покажи дело, — сказал я.

Слизень указал на стопку бумаг и флешку. Серый подобрал их, пробежал глазами по первому листу и присвистнул.

— Босс, здесь не только имена. Ещё координаты. И фотки того, что Степаныч ото всех прячет.

В этот момент внизу грохнул выстрел, затем ещё один. Ржавый заорал, и его крик оборвался хрипом. Чёрный что-то прокричал, но слова потонули в треске ломаемой мебели.

— Трындец вашему. Третья уже здесь, — прошептал Слизень, закрывая глаза. — Времени нет. Чёрный ход через ванную, за панелью — лестница в подвал. Оттуда тоннель к оврагу. Прикрою вас.

Он поднял пистолет, который лежал рядом, и с трудом прицелился в дверь.

Я схватил Серого за плечо, Резкий уже ломился в ванную.

— Бежим, — приказал я. — Слизень, живи, если сможешь. Ещё увидимся.

Он усмехнулся, и в его улыбке было столько горечи, что я понял: не собирается он выживать. Просто даёт нам лишний шанс.

Мы нырнули за панель, а за спиной грянула автоматная очередь, смешавшаяся с боем старых часов.

В подвал вели крутые бетонные ступени — узкие и скользкие. За нами, где-то в ванной, раздался последний, короткий вскрик Слизня, затем глухой удар, и короткая автоматная очередь. Только тогда я понял, что он всё-таки успел — забрал с собой хотя бы одного из них.

Резкий дёрнул головой, зашипел сквозь зубы, но не остановился. Серый замыкал, на ходу пряча флешку в нагрудный карман, а бумаги — под куртку. Я считал шаги. Двадцать три ступени. Внизу нас встретил запах ржавчины и сырого бетона.

Подвал оказался просторным, с низким потолком, увешанным пучками проводов. Вдоль стен — стеллажи с канистрами и коробками, в углу — генератор. Но главное: в дальней стене зиял чёрный проём высотой в метр, обшитый по краям металлическими листами. Видимо тот, что описывал Слиzeńь.

Я включил налобный фонарь, свет выхватил из мрака бетонные стены и рельсы, проложенные по полу — узкоколейка для ручной тележки. Значит, тут возили что-то тяжёлое. Регулярно.

— Резкий, пошёл, — скомандовал я. — Серый, со мной. Свет без команды не включать — только мой фонарь. Быстро, но тихо.

Резкий сноровисто нырнул в тоннель. Я полез следом, согнувшись в три погибели. Серый зашёл последним, и я слышал, как он аккуратно прикрыл за нами металлическую дверцу — не до конца, оставив щель на случай, если придётся возвращаться.

Тоннель тянулся вперёд без поворотов и ответвлений. Через пару минут наметился слабый запах озона. Провода на стенах вели вглубь, и иногда встречались погашенные лампочки, но тёплые на ощупь. Значит, выключились совсем недавно.

Резкий замер и поднял руку, предупреждая. Я приблизился, прижался спиной к бетону. — Босс? — прошептал он и указал вперёд.

Я прислушался. За поворотом в двадцати метрах кто-то двигался. Шагов — двое, может, трое. Шли сюда, и у них был фонарь, чей свет дрожал на стенах тоннеля.

Я жестом показал ждать. Дать им пройти мимо, и мы останемся незамеченными. Но Резкий, закатив глаза от тика, дёрнул плечом и случайно задел провод, свисающий с потолка. От удара осыпалась штукатурка, и один из шагов замер. Затем быстро приблизился.

— Есть кто живой? — раздался грубый голос с металлическим акцентом. — Выходи. Именем Степаныча.

Серый бесшумно перезарядил арбалет, я нащупал под курткой запасную обойму. Резкий замер как статуя, только глаза бешено вращались. Он искал выход, альтернативу, и я знал — через секунду он выдаст гениальный, но безумный план.

Голос прозвучал ближе. Свет чиркнул по нашему углу, прошёл в сантиметрах, и я сжал рукоять пистолета до боли в костяшках.

— Знаю, что вы здесь, — сказал голос. — Слиzeńь успел передать вам файлы. Степаныч говорит, что готов удвоить гонорар, если вы их вернёте. И закрыть глаза на то, что случилось в доме. Это честная сделка.

Я молчал. Серый поднял арбалет и прицелился в ту точку, откуда доносился голос. Резкий вдруг застыл, перестал дёргаться, и я понял: он нашёл решение.

— Секунду, — едва слышно прошептал он. — Возьму их на себя. Когда крикну — бегите за мной. Там, за поворотом, должен быть люк. Видел его на плане, когда Степаныч схему показывал.

— Откуда? — спросил я.

— Запомнил случайно. Я всё помню, Босс. Каждую линию.

Он не стал ждать ответа. Резкий быстро шагнул из-за угла и заорал во весь голос, перекрывая шаги:

— Стойте, уроды!

Два выстрела рванули в его сторону, но Резкий уже падал на пол, кувыркаясь между рельсов, и из его рукава в темноту полетела дымовая пашка — я и не знал, что он её имел.

Густой серый дым заполнил тоннель за секунды. Противники закашлялись, замахали руками, и Серый нажал на спуск — арбалетный болт впился в плечо ближайшего фигуранта. Второй открыл беспорядочную стрельбу, но пули ушли в потолок, выбивая искры.

— Бегом! — рявкнул я и рванул за Резким, который уже мелькал в дыму, указывая путь.

Мы проскочили поворот, миновали какие-то бочки, и я увидел люк — круглый, ржавый, с задвижкой крест-накрест. Резкий дёрнул её, но она не поддавалась. Тогда Серый опустил плечо и с разбегу врезался в створку. С грохотом и визгом металла люк распахнулся наружу, и в лицо ударил свежий, холодный воздух с запахом хвои и сырой земли.

Мы вывалились наружу, в овраг, поросший кустарником, и я успел заметить, как наверху, на краю обрыва, стоит человек с биноклем. Он видел нас, но не стрелял. Просто поднёс к губам рацию и спокойно что-то сказал.

Я поднял пистолет, выстрелил — человек упал, но я совсем не был уверен, что попал. Внизу, в тоннеле, уже ломились те, кто остался. Время сжималось, как пружина. Я обернулся к Резкому — он дышал тяжело, но улыбался. Серый держал в руке флешку, как святыню.

— Босс, — сказал Резкий, — ещё не конец. Если они знают, где мы, значит, Степаныч уже выслал вертушку. Или наземную группу. У нас минут пять, чтобы исчезнуть.

Я посмотрел налево, на тёмную стену леса. Вдалеке, за деревьями, едва угадывался свет шоссе. И я принял решение.

— В лес. И немедленно — вскрываем эту флешку. Хочу знать, за что убили своих и предали нашего. Если там правда о Степаныче — мы перестаём быть чистильщиками и становимся охотниками. Пошли.

Мы нырнули в чащу, ломали ветки и продирались сквозь папоротники. Внутри, под рёбрами, пульсировала холодная ярость. Впереди ждала ночь, лес и война с собственным хозяином. Обратного пути уже нет.

Мы шли сквозь лес минут двадцать, пока не наткнулись на старый охотничий домик — полуразваленный, с прогнувшейся крышей, но стены ещё держались. Зашли внутрь. Я приказал лечь на пол и не включать свет. Только тогда позволил себе перевести дух.

Резкий лёг на спину, закатил глаза и мелко задрожал — тик накатил волной после адреналина. Он стиснул зубы, сдерживая вскрики, и я молча похлопал его по плечу. Серый уже достал из рюкзака маленький ноутбук — тот самый, тонкий, с усиленным аккумулятором, который всегда брал на выезды. Он подключил флешку и застыл, вглядываясь в экран.

— Босс, тут запаролено, — сказал он тихо. — Трёхуровневая защита. Слизень говорил, что это архив, но без ключа не войдём.

Лес за окнами стоял в мёртвой тишине, только где-то далеко ухал филин. В голове я прокручивал последние часы: трупы в гостиной, Слизень с его последним взглядом, Ржавый, крикнувший и замолчавший навсегда. Степаныч использовал нас, как расходник. Послал на убой, чтобы прикрыть собственные делишки. Внутри поднималась глухая, тёмная злоба.

— Если не смогу взломать, — тихо сказал Резкий, вдруг успокоившись и поднявшись на локте, — это ничего не меняет, Босс. Помнишь, что он показывал на схеме? Подземный склад. Координаты зафиксированы. Полигон в старом военном бункере под посёлком Кузьминки. Там оборудование, камеры, записи. Если хотим доказательств — надо туда.

Серый оторвался от экрана, переглянулся со мной.

— А если там обслуга? — спросил он, — Или ещё того хуже — чья-то личная гвардия?

— Значит, будем аккуратнее, — ответил я. — Но сначала — надо выяснить, насколько Степаныч знает о нас. Резкий, у тебя есть связь с внешним миром?

Резкий кивнул и достал спутниковый телефон — старый «кирпич», который не брал обычные сети, но и сами сети не замечали его. Набрал номер и приложил к уху и молча слушал секунд десять, потом лицо его помрачнело.

— Они уже всех наших отработали, — выдохнул он. — Черный мёртв, Ржавый — наверняка тоже. Дозвонился до связного в городе, он сказал, что Степаныч объявил нас в розыск по своим каналам. Нас теперь не чистильщики ищут — нас разыскивают те, кто по контрактам работает. Вольные стрелки по всему региону. Цена за каждого — полмиллиона, за живого — миллион.

В домике повисла тишина, нарушаемая только треском старого дерева и моим собственным дыханием.

— Он решил, что мы уязвимы, — медленно сказал я. — Думает, прятаться побежим или сдадимся. Но одного не учёл.

Я встал, подошёл к окну и посмотрел на звёзды, пробивающиеся сквозь тучи.

— У нас данные. И координаты. Степаныч — человек системы, он верит в порядок, иерархию и субординацию. А мы — те, кто убирает хаос.

Я повернулся к парням. Резкий уже не дрожал — он смотрел на меня с холодной решимостью. Серый закрыл ноутбук и убрал его в рюкзак.

— Что прикажешь? — спросил он.

— В Кузьминки, — решил я. — Но сначала — сменим облик, сменим номера у машин и возьмём всё, что понадобится в городе. Оружие, взрывчатку, еду. Теперь не чистка, парни. Теперь рейд. И мы не остановимся, пока не вытащим на свет всё, что прячет Степаныч. А после, как сделаем, он узнает, что такое страх.

Я вынул из кармана фотографию, которую подобрал у трупа в гостинной — на ней был улыбающийся Степаныч, но совсем другой: с красивой молодой женщиной и маленьким мальчиком на фоне моря. Счастливый, человечный. Я перевернул снимок и на обороте увидел надпись: «Наше счастье — наше спасение».

Шефу тоже есть что терять. И именно это я собирался использовать против него.

Резкий издал короткий хриплый смешок и дёрнул головой.

— Серьёзно, Босс? Втроём против целой армии?

— Не втроём, — усмехнулся я. — Есть инфа. А информация — это взрывчатка, которая не пахнет. Уже заложена. Осталось нажать на детонатор. И это. У тебя, — я обратился к Резкому, — были же какие-то таблетки для снятия симптомов? А то слишком приметно выглядишь.

— Есть, только от них я временно превращаюсь в дурака. Зачем тогда буду нужен?

— Время действия?

— Часов восемь.

— Значит, принимай при острой необходимости.

Рассвет начинал брезжить за деревьями. Мы вышли из домика и направились сквозь лес.

Глава 2. В режиме теней

В режиме теней мы жили двое суток. Сменили три машины, четыре телефона, две пере-валочные квартиры, пока не осели в бетонной коробке на окраине города — бывшая студия звукозаписи, переделанная под жильё кем-то из старых знакомых Слизня. Толстые стены, глухие окна, забитые фанерой, единственный вход с железной дверью и чёрный ход через вентиляционную шахту. Воняло горелой изоляцией, зато было электричество, даже вода была.

Мы почти не спали. Серый наконец взломал флешку — потратил на это восемнадцать часов, подключившись к трём разным источникам питания и перебрав сотни комбинаций. Когда содержимое накопителя открылось, он долго сидел, перебирая файлы, и я увидел, как побелели костяшки на его руках. Потом он молча развернул экран ко мне.

Там оказались списки. Десятки имён. Даты, места, фотографии. Опыты на людях — дозировки препаратов, реакции, протоколы экспериментальных серий, сроки жизни. Подвал в Кузьминках оказался не складом, а лабораторией. А Степаных являлся не просто заказчиком, он был инициатором. Он сам разрабатывал протоколы ещё давно, в ведомстве, а потом, когда проект закрыли, выкупил оборудование и продолжил в частном порядке.

Но главное, что заставило меня замереть — в списке испытуемых я нашёл своё имя. Зачёркнутое, но читаемое. Двадцать лет назад я был ребёнком, и меня везли в санаторий, как говорили родители. А на самом деле привезли в такой же подвал. И только потому, что Степаных поставил на мне крест как на неудачном эксперименте, я не стал одним из тех трупов, которых мы зачищали.

Резкий, прочитав это, перестал дёргаться на целых два часа. Он просто сидел, уставившись в стену, и молчал. А потом выдал:

— Значит, мы все — его ошибки. Он нас потому и не стирал, что были полезны. А теперь боится, что вспомним.

Серый пролистал дальше и наткнулся на видеофайл. Открыл. Серая комната, хриплый голос за кадром, и на стуле — живой человек, который умоляет о пощаде. Мелькнуло знакомое лицо. То был наш старый связной, который пропал год назад. Считалось, что ушёл в запой и замёрз где-то на вокзале.

Теперь мы знали правду.

Я закрыл ноутбук, повернулся к стене и ударил кулаком так, что осталась вмятина. Резкий вздрогнул, Серый молчал.

— Нужно ещё одно, — сказал я, не оборачиваясь. — Подтверждение, что Степаных действовал с ведома и согласия высшего руководства. Или без. Если он сам по себе — достаточно выложить это в сеть, и его свои же сожрут. Но если за ним стоят «генералы», тогда всё сложнее.

Резкий поднял голову, в глазах его зажглась привычная искра.

— Есть у меня один контакт. Независимая журналистка, уже год пытается раскопать архивные дела по пропавшим людям. Может помочь с публикацией, если будут железные доказательства.

— Доверяешь ей? — спросил Серый.

— Как себе. Она брата потеряла. Тот как «исчезнувший в командировке» числился. Я проверил — его фамилия в третьем списке, — ответил Резкий. — Она правду ищет, а не деньги.

— Профессора помнишь?

— А то. Мой первый наставник, — скривился я. — Можно сказать, учитель. Если бы не он, мы бы сейчас тут не торчали. Почему вспомнил?

— Он странно исчез. Нашли лишь одежду всю перемазанную в его крови, и признание какого-то сумасшедшего утырка, который уверял что сам, лично утопил труп Профессора в

океане. Так вот, Проф всем повторял, что никому нельзя верить. Особенно — себе. Не погиб он. Просто сбежал.

Я обернулся и посмотрел на обоих. Двое суток со сном по очереди, с едой из банок, с постоянным ощущением, что за нами следят. Но сейчас, впервые за долгое время, у нас появился план и возможный союзник.

— Передай своей журналистке, пусть завтра в полдень придёт к старому книжному на Ленинском, — сказал я. — Передай, что у нас частица её ответов. Но предупреди — дело опасное. Может стоить ей всего.

Резкий достал телефон и начал печатать короткое сообщение через зашифрованный канал. Серый открыл ноутбук и скопировал ключевые файлы на отдельную карту памяти, чтобы передать журналистке.

Я подошёл к окну, отодвинул край фанеры и выглянул в щель. Город лежал в тумане, мокрый и серый. Где-то там, в этом бетонном лесу, Степаныч сейчас, наверное, завтракал в своём кабинете и думал, что избавился от нас. Но он не знал, что мы перестали быть чистильщиками, а стали мстителями.

— Завтра рискнём, — сказал я, не оборачиваясь. — А послезавтра Степаныч проснётся и поймёт, что собственный страх настиг его быстрее, чем любой из врагов.

— Меньше пафоса, Босс, — хмыкнул Серый, — литература, это не твоё. Всякие там аллегории, гиперболы, метафоры и прочие синтаксические конструкции лучше тебе не использовать. Степаныча просто так не ухватишь.

В комнате повисла тишина, нарушаемая лишь гудением старого холодильника и редкими тиками Резкого.

Ночь прошла в глухой, настороженной тишине. Спали по очереди, по четыре часа, прижимаясь к холодным стенам и держа оружие под рукой. Резкий почти не дёргался — его синдром, казалось, утих, как будто тело понимало, что сейчас не время для лишних звуков.

К утру я проверил свой пластиковый пистолет, запасные обоймы, нож в голенище. Внешне мы выглядели как обычные люди: джинсы, куртки, бейсболки, никаких больших рюкзаков, чтобы не привлекать внимания.

В одиннадцать мы были на месте. Книжный на Ленинском выглядел старым, с облупившейся вывеской и запахом пыльных страниц. Внутри никого, кроме продавщицы за стойкой. Я взял с полки томик Достоевского и уселся в кресло у окна, делая вид, что читаю. Резкий и Серый рассредоточились по периметру: один — у входа, второй — в глубине зала, где стояли стеллажи с технической литературой.

В полдень дверь скрипнула, и вошла женщина. Лет двадцати пяти, с короткой стрижкой, одетая в серый плащ и тёмные очки, несмотря на пасмурную погоду. Она прошла к витрине с детektивами, взяла какую-то книгу, положила на кассу, а затем обернулась и посмотрела прямо на меня.

Я закрыл Достоевского, подошёл к женщине и незаметно сунул флешку в карман её плаща. Она кивнула, не произнося ни слова, и вышла. Затем я оплатил книгу, и направился к выходу.

Тут за стеклом, на противоположной стороне улицы, мелькнул он. Человек в чёрном пальто стоял у витрины с телефоном и, не глядя в нашу сторону, говорил в него. Я замер. Резкий, стоявший ближе к выходу, перехватил мой взгляд и проследил за ним. В тот же момент второй человек появился из переулка — он шёл к книжному, и у него была такая же походка, как у тех, кого мы встречали в тоннеле: уверенная и хищная.

— Нас вели, — прошептал я сквозь зубы, не двигаясь с места.

Серый в глубине зала уже вытащил из-под куртки свой арбалет, но я жестом остановил его. Стрелять в центре города — безумие. Нужен другой выход.

— Чёрный вход? — спросил я у продавщицы, стараясь говорить спокойно и дружелюбно.

Она побледнела, заметив мой взгляд и пистолет, который на секунду мелькнул из-под куртки.

— Там... там в подсобке дверь во двор, — заикаясь, произнесла она.

— Благодарю, — сказал я и подал знак своим.

Мы рванули через зал, перепрыгивая кресла, и влетели в узкий коридор с картонными коробками. Серый захлопнул за нами дверь. Я выбил ногой замок на выходе во двор, и мы вывалились на мокрый асфальт. Позади, уже в книжном, раздался грохот — они ворвались.

— За мной! — крикнул я и побежал вдоль глухой стены к арке, выходящей на параллельную улицу. Резкий и Серый летели следом.

Мы нырнули в арку, проскочили через проход, заваленный велосипедами, и оказались в маленьком дворе с облезлыми гаражами. Я быстро оглянулся — преследователи задержались на мгновение, но я слышал их топот.

— Серый, отвлекай! — скомандовал я.

Серый выхватил из кармана сигнальную ракету — мы везли их на всякий случай — и швырнул её под ноги на выходе из арки. Алый дым взметнулся к небу, а мы нырнули за гаражи и через щель в заборе вывалились на соседнюю улицу, где уже ждала машина — та самая, которую мы угнали позавчера.

Я завёл двигатель, Резкий и Серый плюхнулись на заднее сиденье, и мы рванули, перелетая через лежащие полицейские и сворачивая в переулки.

— Успела уйти? — спросил Серый, тяжело дыша.

— Флешка у неё, — ответил Резкий, глядя назад. — Видел, как свернула за угол до того, как вошли они.

— Тогда они главное не получили, — сказал я, вдавливая педаль газа в пол. — Но теперь знают, что мы в городе. Они разглядели наши лица.

В зеркале заднего вида я заметил, как из дыма выскочили три фигуры и остановились, смотря нам вслед. Один поднял руку с рацией и что-то сказал. Через секунду впереди, на перекрёстке, я появился чёрный внедорожник, который резко развернулся и пошёл наперехват.

— Держись! — крикнул я и выкрутил руль влево, на тротуар, сметая урну.

Мы влетели в подземный паркинг, проскочили и сбили передним бампером шлагбаум, и нырнули в бетонные лабиринты, где свет горел через одну лампочку. Только там, в темноте и бетоне, наконец замедлились и остановились, загнав машину в самый дальний угол, где нас не было видно.

Тишина. Стук собственного сердца. Резкий начал мелко трястись, и я положил руку ему на плечо, стараясь успокоить.

— Хорошая работа, — выдохнул я. — Мы живы. Журналистка с данными. У них ничего нет, кроме наших лиц. А мы изменимся сегодня же.

Серый выругался и откинул голову на сиденье.

— Босс, мы долго не сможем прятаться. Они нашли нас в течение трёх часов после встречи. Значит, у них доступ к прослушке всех публичных мест и камерам. Надо уходить. Совсем.

Я кивнул, обдумывая варианты.

— Есть ещё одно местечко. Старое бомбоубежище под заброшенной железнодорожной станцией. Его зачем-то вывели из эксплуатации, но там осталась связь и отопление, если запустить генератор. Слижень упомянул о нём как о запасном варианте.

Резкий вдруг перестал трястись и посмотрел на меня с удивлением.

— Откуда он о нём знал? Этот бункер — секретный объект, он не был в общем доступе.

— Потому что Слижень там был сам, — медленно сказал я. — У него, среди файлов, карта этого убежища с пометкой «Резерв». Не знаю, что он там хранил, но если Степаных о нём не знает, это наш шанс. Боюсь, последний.

Я включил двигатель, плавно вырулил с паркинга и направился прочь из города, к старой станции. За спиной остался переулок, книжный с разбитой дверью и чёрный внедорожник, который кружил вокруг квартала в поисках исчезнувших теней.

* * *

Бункер под станцией оказался именно таким, как описывал Слиzeń: глухой, пыльный, с низкими сводами и запахом пыльного бетона. Два небольших помещения — одно для жилья, второе для техники. Генератор завёлся с третьей попытки, и тусклый свет разогнал тьму. По стенам висели карты города и области, испещрённые пометками неизвестным почерком, на столе лежала старая рация и несколько коробок с сухпайками. Похоже, хозяева уходили в спешке.

Серый тут же развернул ноутбук, подключился к городской сети через защищённый VPN и начал отслеживать новостные ленты. Резкий уселся на продавленный диван и прикрыл глаза, давая отдых нервной системе.

Я встал у входа, прислушиваясь к гулу поездов где-то над головой. Станция жила своей жизнью, тысячи людей проезжали мимо, не подозревая, что внизу, в недрах бетона, трое человек готовят личную войну.

— Новости, — нарушил тишину Серый, не отрываясь от экрана. — Час назад полиция нашла тело человека за городом. Мужчина, около пятидесяти, огнестрельное ранение. Оперативные службы говорят о разбойном нападении, но я узнал его по фото в новостной сводке. Это Слиzeń.

Я сжал кулаки, но промолчал. Мы знали, что он не выживет, но услышать подтверждение было тяжело.

— Ещё, — продолжил Серый. — В новостях просочилось, что официальное ведомство Степаныча начало проверку архивных дел по пропавшим людям. Похоже, кто-то из его окружения начал нервничать и пошёл на контакт с прокуратурой, пытаясь переложить ответственность. Наверное, пронюхали, что мы вытащили инфу, и теперь спасают свои шкуры.

Я медленно выдохнул. Это был хороший знак. В системе Степаныча наметилась трещина.

— Что с журналисткой? — спросил я.

— Её телефон молчит, — ответил Резкий, открыв глаза. — Но это ничего не значит. Обещала выйти на связь через двенадцать часов после встречи. Если жива и не попала в руки к тем людям, должна появиться через четыре часа. Если нет...

Он не договорил, но мы все поняли.

— Выйду на поверхность, — сказал я, начиная проверять оружие. — Нужно устроить маленький шум в городе. Отвлечь внимание от нас и от неё.

— Что задумал? — спросил Серый с подозрением.

— У нас координаты склада, где Степаныч держит ключевые документы для своей отчётности. Если склад загорится, его люди побегут туда, а не к нашей журналистке. Заодно мы уничтожим часть его доказательной базы, которую он может употребить против нас.

Резкий встал с дивана, дёрнул головой и улыбнулся — впервые за долгое время искренне.

— Босс, я люблю твой стиль. Когда выходим?

— Через час. Серый — остаёшься здесь, ждёшь звонка от журналистки. Если выйдет на связь, направляй её сюда и готовь к финальной публикации. Если нет — уходишь по второму маршруту, встретимся на точке сбора.

— А вы? — спросил Серый.

— Мы ненадолго. Просто нанесём визит вежливости.

На самом деле я не собирался ограничиваться поджогом. У меня была ещё одна цель: Степаныч должен понять, что его личная жизнь — не тайна для нас.

Через час мы поднялись на поверхность через второй выход, замаскированный под технический люк. Оказались в подсобке привокзального кафе, вышли на улицу и смешались с потоком людей. Двое малоприметных мужчин в серых куртках и городскими рюкзаками за плечами — никто не обратил на нас никакого внимания.

Глава 3. Склад

Склад находился в промышленной зоне далеко за городом. Мы добирались на электричке, затем на попутке. Солнце клонилось к закату, когда мы оказались у высокого бетонного забора с колючей проволокой. Охрана минимальна — Степаныч явно не ожидал, что кто-то сунется в его тыл.

Резкий достал набор для взлома и бесшумно отключил сигнализацию на калитке. Мы проскользнули внутрь, миновали пару камер, которые я заранее засветил лазерной указкой, и подошли к зданию склада. Дверь подалась с лёгким скрипом. Внутри — стеллажи с папками, металлические шкафы, несколько компьютеров.

— Начинаем, — сказал я, доставая зажигалку и аэрозольный баллончик с лаком для волос. — Всё центральное идёт в огонь. Но сначала — поищи что-нибудь про его семью и контакты на высшем уровне.

Резкий быстро, с профессиональной сноровкой, начал сканировать бумаги, фотографируя ключевые страницы на телефон. Я разлил смесь по полу и стеллажам.

За дверью послышался звук подъезжающей машины. Я замер. Резкий тоже насторожился. Свет фар скользнул по щелям в воротах, затем двигатель заглох.

— Босс, — шепнул Резкий, — похоже, ждали.

Я оглянулся на канистру у входа, на разлитую жидкость, на баллончик в руке.

— Сюрприз, — сказал я и чиркнул зажигалкой.

Пламя взметнулось по стеллажам, за секунды превращаясь в огненный занавес. Дверь содрогнулась от удара снаружи, но я уже тянул Резкого к служебному выходу в задней стене. Мы нырнули в проход, и я слышал, как за спиной что-то рухнуло, а ворота выбило взрывной волной.

Мы бежали по тускло освещённому коридору, слыша позади крики и топот. Резкий на ходу запихивал телефон в рюкзак, я перезаряжал пистолет.

— Надеюсь, ты снял всё нужное, — сказал я, вылетая на улицу через боковую дверь.

— Всё, что касается его семьи и его генеральских покровителей, — ответил Резкий, и в голосе его звучала сталь.

Мы нырнули в кусты и затаились. За забором рвались сирены и дым, но мы уже прокладывали путь обратно, к станции, к бункеру, к журналистке и к правде, которая вот-вот должна была выйти наружу.

Мы с Резким вернулись в бункер под утро, грязные, пропахшие гарью и потом. Серый встретил нас у входа с напряжённым лицом и жестом велел закрыть дверь.

— Журналистка вышла на связь, — сказал он, когда мы уселись за стол. — Жива и здорова. Обошла все ловушки и сейчас ждёт нашего сигнала, чтобы опубликовать материал. Но она сказала ещё кое-что.

Он развернул ноутбук. На экране было письмо с анонимного адреса, присланное ей после встречи. Текст был коротким:

«Скажи чистильщикам, что Степаныч знает про бункер. Он накроет их в течение двенадцати часов. Единственный выход — ударить первыми. У меня координаты его личного убежища. Передай, чтобы пришли за ним. Подстрахую снаружи. Подпись: Человек Слизня».

— Откуда про бункер знает? — спросил Резкий, напрягаясь.

— Слижень мог слить кому-то информацию, — предположил я. — У него были контакты за пределами нашей команды. Может, старый его напарник. Может, фигурант, которого он прятал.

Серый перевёл взгляд на меня.

— Или ловушка. Степаныч уже прощупал журналистку и теперь ведёт нас.

Я задумался. Город за стенами бункера просыпался, и время утекало, как песок сквозь пальцы. У нас была флешка с компроматом на Степаныча, фотографиями со склада и координатами его дачи. Но мы не знали, кто такой «Человек Слизня» и можно ли ему доверять.

— Проверим, — сказал я, принимая решение. — Серый, выйди на связь с журналисткой и попроси вытянуть доказательства из этого типа. Пусть пришлёт то, о чём знал только Слизень и мы. Если сможет — значит, свой.

Серый кивнул и начал печатать. Резкий тем временем достал карту города и разложил её на столе.

— Дача Степаныча, точнее — его загородный дом, — сказал он, водя пальцем по карте. — Находится в пригороде, в лесном массиве. Охрана — круглосуточная, но если у нас есть точный план и время, можно пройти через лес со стороны реки.

— Сколько у нас времени до того, как Степаныч спустит сюда отряд? — спросил я у Серого, не оборачиваясь.

— Запустил сканер всех радиочастот в городе. Пока ничего, но это не значит, что они не готовятся. Если верить анониму, у нас часов восемь-десять, не больше.

Я посмотрел на свои руки — в мелких порезах и следах сажи. Мы прошли ад, чтобы добраться до правды. И теперь, когда правда была почти в кармане, я не собирался дать Степанычу шанс нас уничтожить.

— Тогда план такой, — сказал я, подходя к столу. — Не ждём, пока сам придёт. Идём к нему сегодня ночью. Резкий — разрабатываешь маршрут через лес. Серый — готовь всё для финальной передачи данных журналистке, чтобы в случае моего провала она опубликовала материал при любом раскладе. Степаныча беру на себя. Вход по сигналу анонима. Если ловушка — держу удар, а вы уходите через запасной маршрут.

— Босс, это как-то... — начал Серый.

— Без споров, — оборвал я. — Никому его не отдам. Он из меня подопытного сделал, а других просто убил. Это моя война, и я её закончу.

Резкий и Серый переглянулись, но ничего не сказали. Мы начали готовиться к последнему штурму.

Через час Серый получил ответ от журналистки. Она передала шифр, который знал только Слизень: фраза, которую он сказал мне в особняке перед смертью — «Наша счастье — наше спасение». Аноним знал её. Значит, ему можно было доверять.

— Координаты убежища переданы, — сообщил Серый. — Дача Степаныча, но не основной дом, а бункер под ним. Вход через гараж. Охрана — шесть человек, вооружены до зубов. Но аноним обещает отвлечь их за пять минут до нашего подхода.

Я кивнул, затягивая шнурки на ботинках.

— Тогда выступаем через два часа. Резкий — ты идёшь со мной. Серый — остаёшься здесь, на связи. Если через четыре часа от нас не будет вестей — публикуешь всё и уходишь в подполье.

Мы пожали друг другу руки, и я почувствовал, как холодная решимость заполняет каждую клетку тела. Мы шли к финалу. Мы шли за Степанычем.

За час до выхода я открыл рюкзак и проверил снаряжение: глушитель, запасные обоймы, нож, фонарь, рация. На дне лежала та самая фотография Степаныча с семьёй — я взял её, чтобы показать ему перед тем, как он умрёт. Пусть знает, что его секреты перестали быть тайными.

Бункер гудел генератором, но для меня там было тихо. Я стоял у карты, вглядываясь в зелёные пятна леса вокруг дачи, и представлял, как войду в его убежище. Степаныч не знал, что я был там тридцать лет назад. Он не знал, что его ошибка стала его самым смертельным врагом. Он узнает это сегодня. Я обещал себе.

В комнату вошёл Резкий, одетый в чёрное, с короткой винтовкой в руках.

— Босс, я готов. Идём?

Я кивнул и поднялся.

— Идём.

Бункер под станцией опустел, когда мы поднялись на поверхность. Генератор мы отключили, все следы пребывания — стёрли. Мы вылезли через технический люк вверх, в прохладный воздух осеннего вечера. Город шумел над нами, но мы уходили в сторону леса, к реке, к нашему последнему бою. Серый остался за пультом, его голос в наушниках звучал сухо и ровно, как диктор авиадиспетчерской: «Вижу вас на карте. Движение по маршруту. Ветра нет, осадков не ожидается».

Мы шли около часа. Резкий двигался бесшумно, как тень, указывая путь. Он вёл нас по старой просеке, затем вдоль русла пересохшего ручья, чтобы обойти патрули. Я слышал, как где-то слева лает собака — но не приближалась, и я понял, что аноним уже начал работать.

Через час мы вышли к реке. За ней, на холме, угадывался силуэт большого дома с черепичной крышей. Горело несколько окон — на первом этаже и на втором. Степаныч был дома.

— Охрана, — шепнул Резкий, указав на две фигуры у ворот, ещё одну у гаража, и ещё две — на крыльце. — Шесть человек, как и говорили. Но гаража я не вижу.

— Подземный, — ответил я. — Вход с тыльной стороны. Аноним сказал, что отвлечёт их через пять минут. Ждём.

Мы залегли в кустах, слившись с землёй. Счёт пошёл на минуты. Я сжал пистолет, проверил глушитель, ощущая, как холод оружия передаётся ладони. Резкий замер, почти не дыша, только глаза его метались от одного охранника к другому.

Внезапно со стороны леса, слева от дачи, раздался взрыв — глухой, но сильный. Небо озагорилось оранжевым отблеском, и я услышал, как залаяла собака, а затем завывала сирена. Охрана на воротах метнулась в сторону шума, двое с крыльца побежали к лесу, один остался у гаража, но он нервно оглядывался и держал рацию у уха.

— Наш выход, — сказал я.

Мы перебежали через открытое пространство, прижимаясь к земле, и нырнули за угол дома. Там, за кустами сирени, открывался спуск к железной двери, вмазанной в бетон. Гаражный вход. Кодовый замок.

Резкий вытащил считыватель и приложил к панели. Через десять секунд замок щёлкнул.

— Спасибо Слизию, он передал коды через анонима, — шепнул Резкий, и мы скользнули внутрь.

В подземном гараже пахло свежим бензином. Стояли два чёрных внедорожника. Дальше маячила дверь с металлической табличкой: «Частная зона». Я толкнул её, и мы оказались в коридоре с мягким ковром и тусклым светом.

В конце коридора была гостиная. Я услышал голос — знакомый, властный, с лёгкой хрипотцой. Степаныч разговаривал по телефону.

— ...Я сказал, найдите их немедленно. Неважно, сколько это будет стоить. Если доберутся до журналистки, мы все сядем. — Он замолчал, слушая ответ, затем резко бросил: — Нет, я не уеду. Здесь безопасно. Они не знают об этом месте.

Я шагнул в проём, держа пистолет опущенным, но направленным в его сторону. Резкий застыл за моей спиной.

— Добрый вечер, Степаныч, — сказал я спокойно.

Он резко обернулся. На вид — всё тот же седой, подтянутый мужчина в дорогом костюме, с неизменным холодным взглядом. Только на этот раз в его глазах мелькнуло то, чего я никогда там не видел — страх.

— Ты, — выдавил он, опуская телефон. — Как ты нашёл?

— Слизень помог, — ответил я, делая шаг вперёд. — Ты послал его на убой. Он успел оставить для нас всё, что ты скрывал. Правду про тебя. Я знаю про опыты. Про тот «санаторий», и почему я жив. И почему тогда вышел из тюрьмы.

Он закаменел лицом, но взял себя в руки.

— Ты не понимаешь, — сказал он, медленно поднимая руки в примирительном жесте. — То, что мы делали, было для общего блага. Эксперименты необходимы, чтобы создать защиту от... от угроз, которых ты даже не подозреваешь.

— Угроз, которых я не знаю? — переспросил я, чувствуя, как в груди закипает ярость. — Я видел списки. Сотни людей, которых вы сожгли, как расходный материал. И ты говоришь о защите?

Он сделал шаг к столу, но я направил пистолет прямо ему в грудь.

— Стой на месте.

— Послушай, — заговорил он быстро, почти умоляюще. — Если опубликуешь эти данные, ты уничтожишь не меня. Уничтожишь структуру, которая держит стабильность. И начнётся хаос. Криминальные войны, десятки новых мертвецов. Ты хочешь этого?

— Хочу, чтобы ты ответил за каждого, кого загубил, — излишне пафосно сказал я.

Резкий шагнул вперёд, держа в руке телефон с включённой камерой.

— Босс, я записываю, — сказал он. — Всё, что он скажет сейчас, пойдёт в материал. Пусть говорит.

Степаныч перевёл взгляд с меня на Резкого, затем обратно. Он понял, что игры кончились. Медленно опустил руки и сел на край стола.

— И что ты хочешь услышать? — спросил он спокойно.

— Полное признание, — ответил я. — Что ты делал. Кто был с тобой. Где все остальные.

Он помолчал, затем начал говорить. Всё ли в его словах было правдой? Наверное — нет. Голос его звучал ровно, почти механически, будто он читал отчёт. Он называл имена, даты, места. Перечислял лаборатории, полигоны, коды доступа. Я слушал, а внутри разливался холодный покой. Мы пока не победили. Но мы заставили его сдаться.

Когда он замолчал, я кивнул Резкому. Тот остановил запись.

— Теперь идёшь с нами, — сказал я. — Наверх, к машине. Позвонишь своим и скажешь, чтобы прекратили поиски нас и журналистки. Иначе запись уйдёт в открытый доступ вместе с файлами.

Степаныч поднялся, тяжело опираясь на стол.

— Гарантии?

— Никаких. Только моё честное слово.

— Ты же понимаешь, что я могу отозвать своих, но на их место придут другие? — спросил он. — Ты начал войну, которую не сможешь закончить.

— Закончу, когда всё узнаю, — возразил я. — Идём.

Мы вышли из бункера через тот же гараж. Наверху уже горели фары — аноним ждал нас в лесу. Незнакомый мужчина среднего роста с лицом под лыжной маской. Молодой, судя по движениям. Мы передали ему Степаныча, а сами погрузились в машину, которую угнали на подступах.

— Что дальше? — спросил Резкий, заводя двигатель.

— В бункер к Серому, — ответил я. — Публикуем сегодня же. А потом — ждём, что будет.

Все понимали, что это не конец. Имена, что назвал Степаныч, вели наверх, к «генералам», к тем, кто десятилетиями прикрывал его.

Машина нырнула в ночь. Мы возвращались к бункеру, к финальной битве, которая только начиналась. Дача осталась позади, охрана, разбежавшаяся после взрыва, и человек,

когда-то распоряжавшийся нашими жизнями, теперь оказался в руках тех, кто ничего не прощает.

Глава 4. Минула пара месяцев

Минула пара месяцев.

За этот срок мир перевернулся, но совсем не так, как мы планировали.

Публикация файлов и запись признания Степаныча взорвали информационное пространство. Новости гремели неделю: Степаныч арестован, его ближайшее окружение взято под стражу, несколько высокопоставленных чиновников спешно покинули страну. Кто-то даже застрелился. Но «генералы», чьи имена он называл, оказались хитрее — к моменту, когда добралась до них, все улики были уничтожены, а свидетели либо молчали, либо исчезали. Трое из «герералов» усидели на своих местах и создали новую, более законспирированную сеть, работающую на криминальный капитал.

Мы же остались в тени. Журналистка опубликовала материал анонимно, сославшись на источники, которым доверяет. Наши лица не засветились ни в одном репортаже, но Степаныч, даже сидя в СИЗО, успел передать своим людям приказ: найти и уничтожить нас любой ценой. Цена за каждого из нас выросла до пяти миллионов долларов, и теперь за нами охотились не только профессиональные киллеры, но и просто отчаянные люди, готовые на всё ради таких денег.

Мы сменили обличья, документы, голоса. Жили в съёмных квартирах, по двое суток не выходили на улицу, передвигались только ночью и только на машинах, которые меняли каждые три дня. Серый стал нашим оператором и аналитиком — он сидел в защищённом убежище за городом и следил за всеми каналами связи, предупреждая нас о каждой опасности. Резкий превратился в нашего тень-охотника — его синдром почти исчез под грузом постоянного стресса, а вместо тиков у него появилась пугающая спокойная ясность в глазах. Он стал смертоносным и расчётливым.

Я взял на себя роль координатора. Мы стали ликвидаторами. Только теперь мы убивали тех, кто продолжал дело Степаныча.

За два месяца мы провели четыре операции. Первая — перехват лаборатории в старом военном городке, где продолжались опыты над людьми по проекту «Эдем». Вторая — взрыв груза с реактивами, который шёл из-за границы. Третья — уничтожение архива, который пытались вывезти за рубеж. Четвёртая — самая рискованная: мы вытащили из-под стражи одного из младших помощников Степаныча, который согласился дать показания против «генералов», если ему гарантируют безопасность. Сейчас он сидел в нашем убежище и готовил заявление.

Но сегодня утром Серый позвонил по зашифрованному каналу и сказал всего три слова: «Они нашли нас».

Я сидел в тесной комнате с забитыми окнами, сжимая телефон. Резкий, дремавший на продавленном диване, мгновенно открыл глаза.

— Где? — спросил я.

— В городе. Мои камеры засекли три группы. Прочёсывают кварталы, где мы были в последние дни. Я отвлёк их ложными сигналами, но это лишь вопрос времени. Через два часа будут здесь. Надо срочно уходить.

Я посмотрел на Резкого. Он уже собирал рюкзак, проверял оружие.

— Есть вариант, — сказал я, поднимаясь. — Не будем прятаться. Нанесём удар прямо сейчас. У нас есть свидетель, есть доказательства на «генералов», и есть координаты их тайного совещания, которое состоится сегодня вечером. Если выйдем на них сами, они не смогут отправить своих людей в погоню, потому что им придётся спасать свои шкуры.

Резкий усмехнулся, и в этой усмешке не было страха.

— Ты серьёзно? Лезть в логово?

— Надо, — ответил я, застёгивая куртку. — Перестанем быть добычей и станем охотниками. Выходим через пять минут. Серый — встречай нас на точке «Лес».

Мы выскользнули из квартиры через чёрный ход, оставив внутри включённый телевизор и свет, чтобы создать жалкую видимость присутствия. Внизу уже ожидала машина — старая неприметная рухлядь, купленная за наличные у перекупщика. За руль сел я, Резкий со свидетелем заняли место пассажира, и мы растворились в потоке утреннего города, оставляя за спиной бетонную клетку, в которой провели последние дни.

Впереди было совещание «генералов». И мы собирались устроить им встречу, которую они не забудут.

Точка «Лес» оказалась заброшенной лесопилкой в тридцати километрах от города. Серый ждал в обшарпанном вагончике, который когда-то служил бытовкой для рабочих. На столе — развёрнутая карта области с отмеченным красным кружком объектом: загородный комплекс «Берёзки», бывшая резиденция, переоборудованная под частный клуб.

— Совещание в двадцать ноль-ноль, — сказал Серый, не здороваясь. — Будут два высших офицера из соседнего государства: генерал-майор и полковник, а также «генерал» Крутов — крупный воротила криминального и легального бизнеса. Охрана — двадцать человек, наружное наблюдение, камеры по периметру, система распознавания лиц. Внутри — ещё десять, личная гвардия каждого.

— И как мы туда попадём? — спросил Резкий, разглядывая схему.

— У нас пропуск, — улыбнулся Серый и протянул мне тонкую пластиковую карту с незнакомой фотографией и голограммой. — Снял с одного из помощников, которого мы вытащили. Он числится в списках обслуживающего персонала. Войдёшь как техник. Резкий — как водитель служебного автомобиля. Я буду снаружи, на выезде, с системой глушения связи.

Я взял карту, перевернул её. Лицо на фото было очень смутно похоже на моё, если изменить причёску и добавить очки.

— Насколько надёжно? — спросил я.

— Достаточно, чтобы пройти через первые ворота. Дальше — только наша выдумка и удача, — хмыкнул Серый. — Но есть кое-что ещё.

Он подвинул ко мне планшет, на котором был открыт файл с фотографией. На ней — женщина лет сорока с тёмными волосами и цепким взглядом. Она стояла рядом с Крутовым в каком-то банкетном зале.

— Это Ирина Крутова, его жена. Она не в курсе дел мужа. Их дочь — его слабость. Учится в Европе. Если сможем выйти на связь и объяснить ситуацию, Ирина может помочь нам получить доступ к кабинету мужа.

— Помочь? Зачем это ей?

— Давно его ненавидит и мечтает избавиться от него.

Я с сомнением посмотрел на Серого, потом на Резкого.

— Ты предлагаешь использовать жену как рычаг давления на него самого?

— Предлагаю предоставить ей выбор, — ответил Серый с жёстким спокойствием. — Она женщина умная и независимая, я изучил её профиль. Ведёт благотворительный фонд и, по слухам, подозревает, что деньги, которые муж приносит в дом, имеют криминальное происхождение. Подозревает мужа в предательстве и изменах. Их брак фактически распался. У неё другой мужик, как и у генерала другая баба. Если дадим шанс сохранить семью и одновременно посадить мужа за решётку, может и согласиться.

Резкий хмыкнул.

— Или сдаст нас через минуту после нашего появления.

— Вероятность есть, — пожал плечами Серый. — Поэтому до основного мероприятия рисковать не будем. Я свяжусь с ней через посредника. Если согласится — предоставит нам

план внутренних помещений и отключит сигнализацию в кабинете Крутова на время совещания. Если нет — будем действовать по другому сценарию.

Я снял очки, провёл рукой по лицу, чувствуя тяжесть последних недель.

— Время до обеда есть. Резкий, ты со мной — подготовим машину и форму. Серый, работаешь с контактом. Если к часу дня не будет ответа — меняем план и идём через главный вход.

— Через главный? — переспросил Резкий с удивлением.

— Если не получится тихо, — сказал я, — будем громко. Нам терять нечего. А у них — их репутация и свобода. Они не готовы к такому, не верят, что мы способны на открытый бой.

В вагончике повисла тишина. Серый и Резкий обменялись быстрыми взглядами, и я прочитал в них то, что чувствовал сам: поддержку. Они доверяли мне.

Мы разошлись по задачам. Я вышел на свежий воздух, посмотрел на серое небо, натянутое над лесом, и почувствовал, как внутри разгорается холодное, спокойное пламя. Через несколько часов мы либо покончим с этой войной, либо станем её последними жертвами. Но отступить было некуда.

Ровно в час дня Серый вышел из вагончика с мрачной улыбкой.

— Жена Крутова будет ждать нас у чёрного входа в семнадцать ноль-ноль. Согласилась, оговорив ряд условий. Отключит сигнализацию в западном крыле и даст доступ к серверной. Говорит, что устала жить во лжи и хочет, чтобы дочь не повторила её судьбу.

Я кивнул, чувствуя, как внутри всё сжимается. Как-то подозрительно легко всё у нас получалось. Не верил я в такие подарки.

— Значит, у чёрного входа в пять. Резкий, ты уже знаешь свою роль. Серый — ты снаряд. Если что-то пойдёт не так, вы как можно громче шумите, чтобы отвлечь охрану.

— Если пойдёт не так, я прикрою вам отход, — сказал Серый, фамильярно кладя руку на плечо Резкого.

Мы стояли втроем на лесной поляне, окружённые тишиной и ожиданием. Где-то над головой прокричала птица, и я понял, что уже не чувствую страха.

* * *

В семнадцать ноль-ноль мы оказались у чёрного входа комплекса «Берёзки». Машина — серый универсал с техническими номерами — остановилась в тени старого дуба, в метрах двадцати от служебной калитки. Резкий заглушил двигатель, оглядел окрестности.

Забор из кованой решётки, камеры по углам, колючая проволока-сигнализация поверху. Внутри — аккуратные дорожки, ухоженные газоны и фасад здания, стилизованного под старинную усадьбу. Высокие окна с тонировкой, ни одного огня. Никто бы не сказал, что там собрались люди, решающие десятки судебных.

Я взял планшет с пропуском, надел очки и куртку с логотипом обслуживающей компании. Резкий остался в машине с радиосвязью и прикрытием. Серый уже ждал где-то на периферии, с глушилкой наготове.

Я вышел из машины и спокойно подошёл к калитке. Женщина в чёрном пальто уже ждала внутри, у входа в служебное крыло. Она открыла дверь и кивнула мне. Ирина Крутова в жизни выглядела старше, чем на фото. Но её глаза горели той же холодной решимостью, что и у моих товарищей.

— Проходите быстро, — сказала она шёпотом, отступая в коридор. — Охрана сменяется через десять минут, у вас есть время.

Я шагнул внутрь. Запах старого дерева и дорогого паркета. Тишина, нарушаемая лишь гулом кондиционеров. Она провела меня по узкому коридору, сквозь две служебные двери, в комнату с серверными стойками и мониторами.

— Это серверная, — сказала она, показывая на панель управления. — Отсюда можно отключить камеры в восточном и западном крыле, а также систему распознавания лиц на входе. Только у вас есть пятнадцать минут, пока система перезагрузится — в этот момент на пульте загорится красный сигнал.

Я кивнул, подключил свой планшет к консоли, запустил программу, которую накануне показал Серый. Через тридцать секунд экраны погасли, затем загорелись зелёным — камеры перешли в режим трансляции.

— Где заседают? — спросил я, не оборачиваясь.

— Кабинет Крутова, второй этаж, восточное крыло, — ответила Ирина. — Там бронированная дверь. Муж носит ключ-карту на шее, под рубашкой. Я могу попытаться выманить его на минутку, но тогда они всё поймут.

— Не надо. Мы не будем играть в переговоры.

Я выпрямился и посмотрел на неё.

— Вы своё сделали. Теперь уходите через чёрный ход, садитесь в машину, которая ждёт за восточной стеной. Дверь не заперта. Ключи в бардачке, деньги и документы — в багажнике.

Она на мгновение задержала на мне взгляд, словно хотела спросить, смогу ли я победить, но промолчала. Вместо этого положила на стол небольшую карту здания.

— Пригодится вам. Сейчас они готовятся к совещанию. Через десять минут позвоню мужу и скажу, что срочно уезжаю к дочери из-за её болезни. Отвлеку его на пару минут. За это время вам надо добраться до двери. Удачи.

Она развернулась и вышла, оставляя меня одного в гудящей серверной.

Я перезарядил оружие, глушитель, спрятал под курткой и двинулся к выходу. Коридор был пуст. Я шёл по восточному крылу, поднимаясь по лестнице, и считал шаги. Охраны на маршруте не было — видимо, Ирина отвлекла их своим звонком и просьбой проводить её до выхода.

На втором этаже я остановился у массивной двери с кодовой панелью и глазком. За дверью слышались приглушённые голоса — трое мужчин, иногда смех и ругательства. Они не ожидали гостей.

Я вытащил из кармана ключ-карту, которую Серый снял с помощника, и приложил к панели. Красный свет моргнул — не подошла. Тогда я вынул сканер, который дал Резкий, и приложил к замку. Через две минуты щелчок возвестил об открытии.

Я толкнул дверь, бесшумно скользнул внутрь.

В кабинете за длинным столом сидели трое. Генерал-майор — грузный, с сединой в висках. Полковник — сухой, с хищным взглядом. И Крутов — седой, с широкими плечами и руками, которые когда-то держали оружие. Все подняли головы при моём появлении и застыли.

— Кто это? Что за человек? — рявкнул Крутов, вставая.

Я снял очки и улыбнулся.

— Добрый вечер. Мы не виделись, но вы обо мне слышали. Я тот, кого вы ищете уже два месяца. И я не сдаваться пришёл. Хочу закончить эту войну. Сейчас вы решаете, как это будет — добровольно или нет. На моей стороне — ваши архивы, ваши опыты, ваши жертвы, ваши тайные счета и вся документация, начиная с первого дня создания лабораторий.

Я медленно подошёл к столу, держа руку внутри куртки на пистолете.

— На вашей стороне — только охрана, которая сейчас отвлекается на ложный вызов. И ваши собственные жизни, которые закончатся, если не согласитесь на мои условия.

Крутов потянулся к поясу, но я качнул головой.

— Не советую. У меня глушитель, и два моих парня снаружи сняли ваших часовых. У вас минута, чтобы решить.

В кабинете повисла мертвая тишина. Только где-то далеко за окнами порывы ветра предвещали грозу.

Глава 5. Прошло ещё два месяца

Прошло ещё два месяца.

От той ночи в «Берёзках» остались только шрамы — на моём плече, на памяти Резкого, на совести Серого, который так и не простил себе, что не успел заглушить сигнал тревоги до того, как охрана ворвалась в кабинет. «генералы» ушли через чёрный ход, пока мы отстреливались от их личной гвардии. Мы выжили, но не победили. Они растворились, как дым, забрали с собой деньги, связи и самые страшные архивы. Мы же остались с горсткой компромата, которого хватило лишь на то, чтобы посадить мелких сошек — Степаныча и его прихлебателей. Крупная рыба уплыла, и теперь где-то за океаном, в тенистых особняках, они пьют виски и смеются над нами.

Два месяца — это срок, за который можно либо сдаться, либо превратиться в то, чем пугают. Мы выбрали второе. Наши старые имена умерли. Теперь мы — тени без позывных, работающие только на себя. Серый открыл своё агентство — прикрытие в виде частного детективного бюро с тремя наёмными операторами. Резкий стал его полевым агентом, и его синдром, как ни странно, сделался его визитной карточкой: враги считали его слабым, пока он не ломал им руки с пугающей молниеносностью. Я же занялся тем, что умел лучше всего — координацией и «мокрыми» делами. Но только теперь мы сами выбирали цели.

Сегодня утром Серый вызвал меня в офис. Резкий уже был там — сидел на подоконнике и грыз сухое печенье, глядя на дождливую улицу.

— Новый заказ, — сказал Серый, кидая на стол тонкую папку. — Профессиональный, без политики, но с большими деньгами и ещё большим риском. Клиент — бывший партнёр одного из тех, кто крышевал лаборатории. Он хочет, чтобы мы перехватили груз, который идёт через порт. Там — не реактивы, а кое-что похуже. Партия оружия и пластида, заказанная для пердела сфер влияния в городе. Если этот груз дойдёт до получателя, начнётся война между тремя группировками. Сотни трупов, мирные жители, всё как мы не любим.

Я открыл папку. Фото контейнера, маршрут, данные о портовой охране, имена двух ключевых фигур — Игорь «Удав» Сахаров и Гавриил «Хирург» Тимофеев. Старые знакомые по криминальным сводкам. Жёсткие, беспринципные, с армией наёмников.

— Там ещё одна деталь, — добавил Резкий, не поворачивая головы. — Организатор переправки — человек, который знал Слизня. И он не в курсе, что мы существуем. Он даже послание оставил.

Он бросил на стол смятый листок бумаги с одним предложением, написанным от руки: «Встретимся на причале. Приходите без оружия, если хотите поговорить. Иначе — ваша журналистка заплатит за вашу гордость».

Я взял листок, прочитал три раза, чувствуя, как внутри закипает холодная злоба. Журналистка — та, что опубликовала наши материалы и исчезла под защиту Службы, но на днях вышла из-под прикрытия и вела собственное расследование. Значит, её взяли.

— Она у них, — сказал я.

— Да, — кивнул Серый. — Мы не можем просто так взять и пойти на причал без оружия. Это ловушка. Но и бросить её нельзя.

Резкий наконец повернулся ко мне.

— Значит, пойдём. Но не так, как они думают. Я прикинул кое-что.

Он начал набрасывать на салфетке схему портовой зоны, помечая точки входа, пути отхода, тенистые места. Я смотрел и понимал: он уже не тот парень, что дёргался от тика и вскрикивал. Он стал охотником, который никогда не промахивается.

— Завтра в полночь, — сказал я, складывая схему. — Мы берём груз, забираем журналистку и кладём всех, кто будет мешать.

Серый хмыкнул, закрывая ноутбук.

— Звучит как план.

За окнами лил дождь, и в его шуме я слышал приближающийся гром. Мы выходили на охоту. В этот раз — без политики, без «генералов», но с тем же холодом в груди и с теми же правилами. Только наши цели стали чище, а враги — смертельнее. И я знал: завтра либо мы изменим баланс сил в этом городе, либо сгинем, пытаясь сделать это. Других вариантов не было.

* * *

Ночь перед операцией прошла в гараже на окраине города — нашем временном командном пункте. Серый колдовал над оборудованием: глушилки, маячки, миниатюрные камеры, бронежилеты четвёртого класса, которые мы сняли с разгромленного склада Степаныча. Резкий молча разбирал и собирал свой пистолет, пока не довёл механику до идеального щелчка. Я сидел на ящике из-под патронов и изучал карту порта, нанесённую на планшет, сверяя каждую точку с тем наброском, что Резкий сделал на салфетке.

— Вход через южный пирс, — показал я, не поднимая глаз. — Там старая котельная, она не охраняется. Серый, ты глушишь сигнал на всём радиусе в момент, когда мы проходим ворота. Даёшь нам семь минут тишины — за это время мы должны добраться до центрального склада. Резкий, у тебя есть маршрут через крановые стрелы?

— Есть, — коротко ответил Резкий, защёлкивая магазин. — Поднимаюсь по лестнице на кран, прохожу по стреле до крыши третьего ангара, оттуда — спускаюсь к вентиляционной шахте склада. Внутри — через систему воздуховодов прямо в операционную, где они держат груз и журналистку.

— А если там сюрприз? — спросил Серый, подключая последний провод.

— Тогда устрою свой сюрприз, — Резкий усмехнулся, и в этой усмешке не было ни капли нервозности.

Я поднялся, проверил свой пистолет, накрутил глушитель, убрал в кобуру под куртку. На пояс — запасной магазин, нож в голенище, дымовая шашка. Миниатюрная камера на пуговице, микрофон за воротником. Всё как мы любим: минимум лишнего, максимум эффективности.

— Выходим через час, — сказал я. — До порта ехать двадцать минут, встанем за старой бензоколонкой. Серый, ты на позиции через пятнадцать минут после нас. Всё понятно?

Они кивнули. Мы разошлись по машинам — я и Резкий в одном универсале, Серый на своём чёрном седане с глушилкой и ноутбуком на пассажирском сиденье.

Дождь усилился, когда мы подъехали к порту. В темноте бетонные корпуса складов выглядели как спящие монстры. Единственный фонарь у ворот дрожал и почти не освещал пространство. Серый зашёл на позицию, и через минуту мой наушник ожил:

— Тишина. Я глушу. У вас семь минут. Начинайте.

Я выдохнул и толкнул калитку. Резкий бесшумно скользнул вправо, к крановой стреле, и через мгновение уже исчез. Я двинулся вдоль стены ангара, прижимаясь к бетону. Охрана — двое у центрального въезда, ещё один патрулировал периметр. Я засел за контейнером, достал пистолет, дождался, пока патрульный пройдёт мимо, и бесшумно снял его одним выстрелом в затылок. Тело упало на мокрый асфальт, я подхватил его и затащил в тень.

Следующие двое у ворот увидели мелькнувшую тень, один пошёл проверить. Я дал ему дойти до угла, выстрелил в колено, затем в голову, когда он упал. Второй нажал тревожную кнопку — но связь была мёртва, и ни одна сирена не завывала. Я добежал до него, приставил ствол к виску и сказал только одно слово:

— Где груз?

Он указал глазами на центральные ворота. Я ударил его рукояткой по голове, забрал рацию и двинулся дальше.

Через три минуты я был у входа в центральный склад. В наушнике раздался голос Резкого — шепотом, почти беззвучно:

— Босс, я внутри. Вижу журналистку. Она в кабинете на втором уровне, связана, но жива. Внизу — трое, они ждут сигнала от охраны. План не меняется — беру её, ты забираешь груз.

— Принял, — ответил я. — Через две минуты я открываю ворота. Готовься.

Я достал взрывчатку из рюкзака — пластичный заряд, прилепил его к замку, отошёл на десять шагов и нажал кнопку. Громкий хлопок, и створки разъехались. Внутри зажглись лампы, послышались крики, топот. Я ворвался в склад с пистолетом в руке, выстрелил в первого, бегущего на меня, затем во второго, который пытался достать оружие. Третий спрятался за контейнером, но я бросил дымовую шашку, и он выскочил наружу — пуля настигла и его.

Секунда тишины. Затем — звук выстрелов сверху, и голос Резкого:

— Есть контакт. Журналистка свободна, взял одного из них. Второй ушёл к восточному выходу.

Проклятье. Я подбежал к контейнеру с грузом, взломал замок, приоткрыл дверцу. Внутри ящики с маркировкой, но не оружие. Открыл один — и замер. Там лежали папки. Фотографии. Документы. Имена. Те самые бумажные архивы, которые «генералы» унесли с собой два месяца назад. Зачем? Груз был фальшивкой — приманкой для нас. Настоящая цель была иной: они хотели не дать нам забрать журналистку, заманить в ловушку и уничтожить.

— Резкий, назад! — крикнул я в наушник. — Ловушка! Груз — пустые бумаги!

Но в тот же момент я услышал, как где-то за стенами взревели двигатели, и свет прожекторов ударил в окна склада. Чёрные внедорожники окружали здание. Со всех сторон послышались голоса, команды, лязг оружия.

— Окружили нас, — сказал Резкий через наушник, и голос его был неестественно спокойным. — Их двадцать человек. И один — тот, кого мы ищем. Стоит у выхода. Игорь Сахаров. «Удав» собственной персоной.

Я сжал пистолет, посмотрел на ящики с документами, которые могли стать нашим последним шансом, и понял: отступать некуда. Мы либо прорвёмся через двадцать стволов и заберём эти бумаги, либо сложим головы здесь, в этом бетонном гробу. Третьего не дано.

— Резкий, — сказал я тихо, — готовь журналистку к эвакуации через крышу. Серый, жди сигнала и заводи машину. Я прорываюсь через центральный вход.

— Босс, там двадцать человек! — Резкий почти выкрикнул это.

— А у меня двадцать патронов, — ответил я и шагнул к выходу.

Свет прожекторов резал глаза, но я уже не моргал. Внутри всё сжалось в тугую пружину, и я знал: секунда промедления — и нас сомнут. Я выдохнул, присел за угол контейнера и шепнул в микрофон:

— Серый, рви глушилку, дай им связь на три секунды, а потом снова глуши. Пусть думают, что у нас паника.

— Понял. Через пять секунд.

Я перекатился к другому контейнеру, вытащил из кармана вторую дымовую шашку и метнул её в сторону выхода, где стоял Удав. Дым взметнулся серой стеной, и в тот же миг я услышал, как взревели двигатели внедорожников, а затем — резкий свист и хлопок: Серый запустил фальшивый сигнал тревоги на пульте охраны, и часть бойцов метнулась в противоположную сторону, думая, что нас прорывают с тыла.

— Резкий, — крикнул я в микрофон, — сейчас!

Сверху, с крановой стрелы, грянула автоматная очередь. Резкий бил короткими, прицельными — трое охранников упали, не успев даже вскинуть оружие. Остальные залегли за машинами, и я понял: это наш шанс. Я рванул вперёд, перепрыгивая через бетонные блоки, стреляя на бегу. Две пули просвистели мимо, одна ударила в плечо, но бронежилет выдержал,

только отбило дыхание. Я упал за колёса ближайшего внедорожника, перекатился и выстрелил водителю в ногу — тот взвыл и выпал из кабины.

— Машина! — рявкнул я, открывая дверь. — Серый, заводи резервную, мы выезжаем через восточные ворота!

Я запрыгнул на водительское сиденье, завёл двигатель — ключи торчали в замке. На заднее сиденье кто-то плюхнулся. Я обернулся — Резкий уже был тут, а рядом, бледная, с растрёпанными волосами, сидела журналистка. Её руки были связаны, но она смотрела на меня с такой яростью, что я понял: она не сломалась.

— Ящики! — крикнула она хрипло. — Там не только бумаги, там диски, видео. Если оставим, всё зря!

Я стиснул руль. Сзади уже ломились охранники, пули застучали по багажнику. Резкий высунулся в окно и начал отстреливаться короткими очередями.

— Босс, прикрою! Забирай ящики!

Я выскочил из машины, бросился обратно в склад. Внутри дым ещё не рассеялся. Я схватил один ящик, затем второй — тяжёлые, с двойными замками. Третий не влезал, но я успел запихнуть его, когда сзади раздался выстрел. Пуля чиркнула по руке, горячая боль обожгла плечо, но я не остановился. Запрыгнул назад в машину, вдавил педаль газа в пол. Внедорожник рванул с места, снося ограждение. Третий ящик подпрыгивал и стучал.

— Ворота! — заорал Резкий, показывая вперёд.

Я крутанул руль, направил машину в проём, который Серый должен был открыть снаружи. За мгновение до столкновения створки разъехались, и мы вылетели на пустынную дорогу вдоль берега. Сзади взревели двигатели — погоня.

— Держитесь! — крикнул я и выжал газ до упора. Машина заскользила по мокрому асфальту, но я выровнял её, уходя от первых пуль.

Резкий высунулся из окна и начал стрелять по колёсам преследователей. Один внедорожник вильнул, врезался в ограждение и перевернулся. Второй продолжал нестись за нами, но я знал, что через километр будет поворот к мосту — там нас ждал Серый с глушилкой и прикрытием.

— Серый, на месте? — спросил я в микрофон.

— Жду. Увижу ваши огни — сбрасываю «ежей» на дорогу.

Я вписался в поворот на предельной скорости. Сзади — взрыв, затем хруст металла. В зеркале увидел, как преследующая машина наехала на стальные шипы, разбросанные Серым, и закрутилась юзом.

Мы проскочили мост и нырнули в лесную дорогу, где нас уже ждал чёрный седан с открытым багажником. Я затормозил, мы перегрузили ящики в седан, журналистка перебралась к Серому.

— Рука, Босс, — сказал Резкий, глядя на моё плечо, которое кровоточило.

— Потом, — ответил я, забираясь на пассажирское сиденье. — Уходим. Те могут поднять вертушку.

Машина рванула вглубь леса. В темноте, под шум дождя, мы уходили от погони, пульс постепенно замедлился. Три ящика с документами лежали в багажнике. Журналистка дышала рядом, живая и практически невредимая. Резкий перезаряжал автомат и улыбался той же холодной улыбкой. Серый молча вёл машину, поглядывая в зеркало.

— Получилось, — выдохнул я, откидываясь на сиденье. — Мы сделали это.

— Пока не совсем, — тихо возразил Серый. — Удав жив. Он знает, что у нас это баракло. Будет охотиться за ним до последнего.

— Пускай, — отмахнулся я, глядя на тёмный лес за окном. — Теперь у нас скелеты из всех его шкафов. Ты знаешь, как мы их используем.

Машина нырнула в очередной поворот, оставляя позади огни порта и рев погони. Впереди была ночь, и новая игра, в которой мы пока выигрывали.

Предстоял серьёзный разговор с журналисткой.

Журналистку звали Клара.

В свои тридцать три года она уже успела похоронить брата, развестись с мужем и потерять веру в систему, на которую работала восемь лет — сначала в городской газете, затем на независимом интернет-канале. Она была из тех репортёров, кто не боялся копать глубже, чем велено, и не останавливался, пока не наткнётся на дно. Брат, Платон, был её единственной семьёй — старше на пять лет, вечно ворошащий её волосы и называвший «малышкой», даже когда она стала серьёзным аналитиком. Он пропал три года назад, в командировке по делам своей маленькой транспортной фирмы. Официальная версия: несчастный случай, тело не найдено, дело закрыто за недостатком улик.

Клара не поверила. Она начала своё расследование с того, что перетрясла документы брата, его телефонные звонки, маршруты его рейсов. Наткнулась на странный заказ — перевозка неких «медицинских грузов» в закрытый посёлок под видом стройматериалов. Фирма, которая заказывала, оказалась пустышкой, зарегистрированной на подставное лицо. Когда она стала задавать вопросы, её саму начали пугать: анонимные звонки по ночам, взломанный почтовый ящик, машина без номеров, которая стояла у её дома три дня подряд. Коллеги советовали оставить это дело. Главный редактор сказал: «Ты хороший журналист, но не надо лезть туда, где не понимаешь. Это не твой уровень». Тогда она уволилась и продолжила одна.

Через полгода одиночного расследования она вышла на Резкого. Не напрямую — через его старого информатора, который когда-то работал с той же системой, что и Степаныч. Клара подошла к нему на парковке у торгового центра, и протянула папку с распечатками, фотографиями и справками, и сказала: «Я знаю, что вы тоже ищете их. Возьмите меня с собой. Я не боюсь умереть, я боюсь не узнать правду». Резкий, тогда ещё дёргающийся от тика и подозрительный, как дикий зверь, долго смотрел на неё, потом кивнул. Через неделю он привёл её к Серому и мне.

С тех пор Клара стала нашим негласным связным. Она готовила тексты для открытых публикаций, проверяла факты, находила утечки информации через свои старые журналистские контакты. Зарабатывала хлесткими анонимными статьями и продажей ненужной ей информации. Когда мы опубликовали файлы Степаныча, она ушла в подполье и исчезла из всех официальных реестров. Но её разыскал Удав — тот самый, что теперь был правой рукой сбежавших «генералов». Он не убил её сразу. Он хотел использовать как приманку, чтобы выманить нас из убежища и отобрать документы, которые мы держали при себе.

Три дня Клара провела в подвале портового склада — связанная, с кляпом во рту, без еды и почти без воды. Единственное, что её спасало, — она слышала разговоры охранников, их перешёптывания по рации. Так она и поняла, что Удав боялся, что мы живы. Он боялся, что мы придём. А ещё он боялся того, что пылилось в тех ящиках, которые он привёз с собой. Она ждала. Она просила вселенную, чтобы мы не бросили её, но в то же время — чтобы мы не рисковали из-за неё своими жизнями. Когда в дверях склада раздался взрыв, и она услышала знакомый голос Резкого, то заплакала — впервые за три года, с момента исчезновения брата.

Теперь Клара сидела рядом со мной в машине, сжимая в руках флешку, которую Резкий вытащил из последнего ящика. На ней были не просто документы — там была видеозапись допроса её брата, сделанная за две недели до его смерти. Он смотрел прямо в камеру, бледный, измождённый, и говорил: «Клара, не ищи меня. Это не закончится добром. Если ты это видишь — значит, ты всё-таки нашла путь. Но помни: правда не всегда освобождает. Иногда просто показывает, что ты должна простить себя за то, что не смогла спасти».

— Слышь, Монтёр, мне это не нравится, — высказал банальную мысль Серый.

— Никому не нравится, — отозвался я. Остальные промолчали.

Клара не выключила запись. Она перемотала и посмотрела снова, когда мы остановились в лесу, чтобы перевязать мне плечо. Её руки не дрожали. Она была спокойна, как вода перед штормом.

— Я знала, что он умер, — сказала она тихо, глядя на темноту за окном. — Но я не знала, что он успел это записать.

Резкий положил руку ей на плечо, и она не отшатнулась. Серый молча закурил и отвернулся. Я посмотрел на неё и понял: мы не просто спасли её. Мы дали ей шанс завершить её собственную войну. И теперь она была с нами до конца, не из чувства долга, а из выбора, который сделала сама.

— Что теперь? — спросила она, убирая флешку во внутренний карман.

— Теперь смотрим и решаем всё, — ответил я, — кто следующий в списке. Но сначала — отдых, еда, и перевязку закончим. У нас ещё ночь, пока Удав всю свою банду соберёт.

Клара кивнула, и в глазах блеснула та же сталь, что я видел в зеркале заднего вида у себя самого. Она стала частью нашей общей тени. Как и все мы переоделась в тактический комбинезон.

— Слушай, Монтёр, — вдруг сказала она. — Сфоткай нас всех в таком виде.

— Зачем?

— На память. Вряд ли у нас ещё будет минутка для ностальгических фотографий.

— Ладно, только сделайте лица попроще. А то очень уж на бандитов похожи.

Потом Клара объяснила, как лучше встать и что держать в руках.

Серый высказался в том духе, что нечего дурью маяться, Резкий буркнул что-то невнятное и явно недовольное, но я их всё-таки заснял. Все трое так и запечатлелись, будто на афише низкобюджетного фильма. На фоне леса, впереди Клара со снайперской винтовкой, чуть сзади по обе стороны — Серый и Резкий. Вооружены до зубов, и у всех троих ничего не выражающие физиономии игроков в покер.

Глава 6. Лес

Лес принял нас глухой стеной дождя. Серый вёл машину без фар, ориентируясь по приборам, — риск включить свет был слишком велик. Через полчаса мы свернули на просёлочную дорогу, разбитую и грязную, и остановились у старого охотничьего домика, который Резкий нашёл на карте ещё утром.

— Десять километров до ближайшего жилья, — сказал он, вылезая под холодную воду. — Сюда никто не сунется.

Домик оказался чуть лучше того, что мы использовали в первую ночь: стены ещё держались, крыша уцелела, печка работала. Клара молча собрала сухие ветки и разожгла огонь. Серый вытащил аптечку и принялся за моё плечо — пуля прошла по касательной, оставив глубокую борозду, но кость не задела.

— Повезло, — сказал он, затягивая бинт. — Ещё сантиметр — и рука не работала бы.

— Нас всем сегодня повезло, — проворчал я, глядя, как Резкий устанавливает систему спутниковой связи.

Клара сидела у огня, сжимая в руках флешку. Она не смотрела на нас, но я знал — она ждала, когда мы закончим с делами и сможем посмотреть запись полностью. Я поднялся, подошёл к ней и сел рядом.

— Давай, — сказал я. — Покажи.

Она вставила флешку в ноутбук, и на экране снова возникло лицо её брата. Я смотрел на измождённого мужчину, который говорил о том, что его убьют, и чувствовал, как внутри поднимается та же ярость, что и в первый раз, когда я увидел свою фамилию в списках Степаныча.

— Он о складе говорит, — сказала Клара, останавливая запись. — Слышите? Упоминает «Кузьминки» и «генеральный проект». Но есть кое-что ещё.

Она перемотала в конец, где голос брата стал почти беззвучным. Он прошептал короткую фразу: «Тайник в седьмом блоке. Под плитой. Если я не вернусь — заберите это. Это всех убьёт».

— Седьмой блок, — повторил Резкий, подходя ближе. — В Кузьминках было шесть основных корпусов. Седьмой — это что-то другое. Может, подземный уровень, который не отмечен на планах.

— Слипень когда-то говорил про дополнительный ярус, — добавил Серый. — Он упоминал его как «могильник». Туда сбрасывали тех, кто не прошёл испытания, и всё, что хотели скрыть. Если там есть что-то, что «всех убьёт», мы должны добраться до этого раньше, чем Удав.

Я посмотрел на часы — два часа ночи. До рассвета ещё время, но каждая минута работала на врага.

— Значит, план такой, — сказал я, вставая. — Мы делимся. Серый и Клара — работаете с материалами, которые мы вывезли. Сортируете, анализируете, готовите новый массив данных для публикации. Резкий и я — едем в Кузьминки. Забираем то, что оставил брат Клары. Если там действительно есть улики на «генералов», это наш последний шанс.

— А если ловушка? — спросил Серый.

— Тогда мы её вскроем, — ответил я. — Или она вскроет нас. Но сидеть сложа руки больше не можем.

Резкий уже собирал рюкзак, проверял запасные обоймы и сухпайки. Клара подошла ко мне и положила руку на плечо.

— Осторожнее, — сказала она. — Не хочу ещё кого-то терять.

Я кивнул и вышел под дождь, чувствуя, как её взгляд провожает меня в темноту.

* * *

Кузьминки встретили нас тишиной и запахом прелой листвы. Военный городок, превращённый в призрак, стоял среди леса как напоминание о прошлом — облезлые корпуса, битые окна, ржавые ангары. Мы оставили машину за километр, и дальше шли пешком, ориентируясь по карте, которую Слипень сохранил в своих записях.

— Шестой корпус — Резкий указал на приземистое здание из серого бетона. — Вход должен быть под ним через технический этаж.

Мы подошли к боковой двери. Замок оказался старым, механическим, и Резкий вскрыл его за тридцать секунд. Включили налобные фонари и спустились по металлической лестнице, которая вела в подвальное помещение. Там тянулся коридор с ржавыми трубами, затем ещё один пролёт, и в конце — тяжёлая бронированная дверь с электронным замком.

— Без питания, — сказал Резкий, коснувшись панели. — Но есть ручной механизм. Кодовый набор.

Он достал считыватель и приложил к замку. Через минуту тот щёлкнул, и дверь открылась. За ней начиналась узкая шахта с вертикальной лестницей вниз этажа на три.

— Похоже, мы нашли седьмой блок, — тихо сказал я, начиная спуск.

Подземелье оказалось холоднее, чем наверху. Запах бетона смешивался с металлическим запахом, который не спутать ни с чем. Я сжал пистолет, и мы двинулись вперёд, освещая стены фонарями.

В конце открылась комната. Там стояли длинные столы, уставленные старыми мониторами, клавиатурами и принтерами. По углам — стопки пластиковых коробок с надписями «Архив», «Уничтожить» и «Секретно». На полу — нацарапанный крест и несколько надписей, выведенных пальцем в пыли. Одна из них гласила: «Смотри под плитой».

Резкий подошёл к центру комнаты и постучал ногой по бетонному полу. Звук был глухим — пустота. Он опустился на колени и начал ощупывать края. Через минуту нашёл зазор и с помощью лома приподнял плиту. Под ней обнаружился небольшой сейф, вмурованный в пол.

Я присел рядом. Под комбинационным замком кто-то приклеил бумажку с цифрами от руки, и короткой фразой: «Прости, если сможешь».

Набрал код. Сейф открылся. Как-то просто всё, будто по заказу.

Внутри лежали три вещи: старая флешка, перетянутая резинкой, конверт с фотографиями и маленький блокнот в кожаной обложке. Я убрал их в рюкзак и закрыл плиту.

— Босс, — сказал Резкий, поднимаясь, — пора. Шаги сверху.

Я замер, прислушиваясь. Где-то над головой действительно раздавались приглушённые голоса и топот нескольких пар ног. Они шли к нам.

— Выход один, — сказал я, осматривая помещение. — Другого нет.

— Будем прорываться, — ответил Резкий, доставая автомат.

Мы встали по обе стороны от двери, погасили фонари и замерли. Голоса приближались. Через несколько секунд дверь распахнулась, и в проёме возникла фигура в чёрном. Первый выстрел Резкого уложил его на месте, второй — того, кто заходил следом. Оставшиеся залегли за углом, и я услышал голос, который знал по прошлым операциям:

— Они внутри! Блокируйте выход!

Я выскользнул в коридор, выпустил три пули в сторону голоса, но снова укрылся за углом. Резкий отстреливался короткими очередями, и я слышал, как в ответ свистели пули, выбивая бетонные крошки.

— Долго не продержаться, — крикнул он. — У них численное превосходство!

— Тогда идём через них, — ответил я и рванул вперёд.

Мы выбежали в коридор, стреляя на бегу, и через шквал огня прорвались к лестнице. Наверху уже ждали ещё трое. Я упал за трубу, прицелился, выстрелил — один упал, второй

пошатнулся, третий закричал и побежал. Резкий прикончил второго, и мы выскочили через технический выход на улицу.

Свежий воздух ударил в лицо. Сзади — шум погони, но лес был рядом. Мы нырнули в кусты, побежали, не оглядываясь, и через двадцать минут потеряли преследователей в темноте.

В машине, уже на ходу, я открыл рюкзак и вытащил блокнот. Перелистнул страницы — там были записи, сделанные аккуратным почерком брата Клары. Он описывал эксперименты, имена, суммы, перечислял «генералов» и их роли. На последней странице — неразборчивые каракули, с трудом читаемые: «Они знают о нас. Меня убьют. Но правда останется».

Я закрыл блокнот и посмотрел на дорогу, убегающую в темноту. Мы забрали то, за чем пришли. Теперь оставалось только использовать это.

Серый ждал нас на полпути, за старым мостом, с включёнными фарами. Клара сидела на пассажирском месте и, когда мы остановились, выбежала под дождь, чтобы обнять брата, которого не было, — и ту правду, которую мы привезли вместо него.

Мы стояли вчетвером на мокрой дороге, и дождь смывал кровь и грязь с нашей одежды. В руках у меня был блокнот, который должен был изменить всё.

— Закончим сегодня, — сказал я, глядя в глаза каждому из них. — Все вместе.

Мы оставляли позади лес, прошлое и страх.

Ночь расступилась перед нами, как будто сама тьма понимала, что мы идём по праву. К утру дождь стих, и в сером предрассветном небе проступили первые полосы света — такие же хрупкие и ненадёжные, как наш план. Но план был, и это было главное.

Остановились мы в старом ангаре на окраине области, подальше от той дороги, где нас могли искать. Серый сразу ушёл в себя — разложил ноутбук, подключил внешний блок питания, принялся копировать данные с флешки брата Клары, параллельно сканируя блокнот и фотографии. Я стоял у входа, слушая, как ветер гуляет в проёмах, и думал о том, что мы набрали за последние часы: улики, способные отправить за решётку всех, кто остался от системы Степаныча, и прямое доказательство того, что «генералы», которых мы считали неуловимыми, всё это время действовали по согласованному плану.

Клара сидела на ящике в углу, сжимая в руках конверт с фотографиями. Она не плакала — она смотрела на лица, которых никогда не знала, и я видел, как в её взгляде кристаллизуется не просто решимость, а что-то более твёрдое и холодное. Месть, переросшая в справедливость.

— Босс, — позвал Резкий, подходя ко мне с планшетом. — Сопоставил данные. У брата Клары не только перечень операций был, но и координаты офиса, где эти «генералы» проводили свои совещания последние два года. Это не «Берёзки». Это раньше они там всё проводили, где сейчас — неизвестно. Будем надеяться, что там же. Частный особняк на берегу озера, охрана — двадцать пять человек, но есть одна уязвимость.

Он развернул планшет, и показал схему: дренажный туннель, ведущий от озера к подвалу особняка. Старый, заросший, не отмеченный на картах. Брат Клары пометил его как «путь отхода» — видимо, он готовил себе запасной выход, но не успел им воспользоваться.

— Туда могут залезть двое, — сказал Резкий. — Если по воде пройдем, оставим след только до входа, а дальше — сухой бетон и прямо в серверную. Там цифровые архивы. Если заберём их, у «генералов» не останется шанса.

— А если нас встретят?

— Прикрою, — подал голос Серый, не отрываясь от ноутбука. — Заминирую подъездную дорогу и подниму ложную тревогу на дальнем посту. Они будут искать угрозу снаружи, пока вы будете внутри.

Клара поднялась, подошла к нам и взяла планшет из рук Резкого. Она вглядывалась в схему, покачивая головой, потом повернулась ко мне:

— Я с вами. Знаю этот туннель. Брат показывал его на карте, когда мы говорили в последний раз. Если пойду впереди, смогу провести вас быстрее.

— Это опасно, — сказал я.

— Но я должна это сделать, — ответила она. — Ради него.

Я не спорил.

Мы готовились три дня. Сменили машину на старый, проржавевший пикап, который Серый угнал с ближайшей стоянки. Загрузили в кузов оборудование: водолазные костюмы, компактные баллоны с воздухом, герметичные мешки для архивов, оружие с глушителями, взрывчатку для отвлечения. Клара надела чёрный гидрокостюм поверх тонкого термобелья — она выглядела как часть ночи, такая же злая и холодная.

Выехали в сумерках. Дорога вилась среди сосен, иногда ныряла в низины, и через час мы оказались на берегу озера. Особняк виднелся на другом берегу — тёмный силуэт с редкими огнями в окнах. Охрана патрулировала периметр, но мы видели их только в бинокль, когда залегли в прибрежных кустах.

— Туннель, — Клара, показала на старую иву, склонившуюся над озером. — Под корнями. Вход под водой, но если нырнуть, он свободен.

Мы надели снаряжение, проверили связь. Серый остался на берегу с дистанционной панелью — он подорвёт фальшивку в лесу, когда мы подадим сигнал.

— Время пошло, — сказал я и нырнул в холодную чёрную воду.

Туннель оказался узким и тёмным. Мы плыли на ощупь, цепляясь за скользкие стены, и воздух в баллонах таял с каждой секундой. Клара двигалась впереди уверенно, я чувствовал, как она иногда касалась моей руки — и это было единственное тепло в этой ледяной воде.

Через пятнадцать минут мы упёрлись в бетонный выступ. Я вынырнул в небольшой камере с сухим полом, снял маску и вдохнул удивительно чистый воздух. Рядом оказалась металлическая лестница, ведущая вверх.

— Серверная на втором этаже, — прошептала Клара, сбрасывая баллон. — Поднимемся, пройдем через технический коридор, за дверью с кодовым замком. Я знаю код.

Мы поднялись. Технический коридор пах пылью и старыми кабелями. Клара уверенно вела нас, я прикрывал спину, держа пистолет наготове. У двери она замерла, набрала код — замок щёлкнул, и мы скользнули внутрь.

Серверная гудела от работы оборудования. Стойки с серверами, мониторы, мигающие огоньки. Клара сразу подошла к консоли, подключила свой планшет и начала копировать файлы. Я стоял у входа и слушал.

Внезапно за дверью послышались шаги. Я предупредительно поднял руку, и Клара замерла. Дверь начала открываться — я уже нажал на спуск, но успел убрать палец, когда увидел, кто входит.

Это был Удав.

Он вошёл в серверную один, без оружия, с поднятыми руками и улыбкой, которая не сулила ничего хорошего.

— Так и знал, что вы придёте, — сказал он, закрывая дверь за собой. — Вам дали возможность украсть то, что подготовил я.

Клара обернулась, и я увидел, как побелело её лицо.

— Зачем? — спросил я, держа ствол направленным в его грудь.

— Чтобы вы пришли сюда. Чтобы я смог предложить вам сделку. «Генералы» боятся, что вы опубликуете захваченную информацию. Я — боюсь, что меня убьют, если вы сделаете это. Поэтому хочу, чтобы вы передали мне оригиналы, а взамен отдам вам это, — он кивнул на свой планшет. — Гарантирую, что никогда не будет вас искать. У вас будет новая жизнь, деньги, новые документы. Всё, что пожелаете.

Я молчал, смотря на него. Клара сжала планшет в руках и шагнула ко мне.

— Врёт он, — сказала она. — Этот человек убил моего брата. Я видела его лицо на записи. Ему ни в чём нельзя верить.

Удав пожал плечами.

— Твой брат слишком близко подошёл к правде. Так же, как и вы сейчас. Если не примете моё предложение, через пять минут здание будет окружено. У меня приказ ликвидировать всех, если сделка сорвётся.

В наушнике раздался голос Серого:

— Босс, у нас проблемы. По периметру движется колонна. Похоже, он говорит правду.

Я взвесил все «за» и «против», сжимая пистолет. Клара смотрела на меня, и в её глазах была мольба — не о спасении, а о том, чтобы я не верил этому человеку. Я не стал ему верить.

— Так не пойдёт, — сказал я и выстрелил Удаву в коленку.

— Дурак... — только и сказал он, потом завыл и схватился за ногу.

Клара рванулась к двери, открыла её, и мы побежали по коридору, оставляя за спиной проклятия и звук сирены, которая включилась на втором этаже.

Мы бежали через технические лестницы, спускались по металлическим ступеням, слыша, как сзади нарастает топот. Клара не отставала, я прикрывал её, стреляя в двери, за которыми уже ломались охранники. Через чёрный выход мы вывалились на берег, где нас уже ждал Серый на пикапе.

— Прыгай! — закричал он, когда пули завизжали над головами.

Мы запрыгнули в кузов, и машина рванула с места, продираясь сквозь кусты. Сзади — сирены, выстрелы, но лес быстро заглушал их. Через десять минут мы были в безопасности, на дороге, ведущей к городу.

Клара сидела в кузове, прижимая планшет к груди, и улыбалась. Её зубы стучали от холода, но она не обращала внимания.

— У нас всё, — сказала она, глядя на меня.

— Что — всё?

— Всё, что они скрывали.

Я кивнул, чувствуя, как в груди разливается усталость и спокойствие. Этот бой мы выиграли, но война продолжалась.

На рассвете мы вернулись в ангар. Клара сразу же села за ноутбук, чтобы систематизировать файлы и подготовить их к передаче. Серый включил генератор и пошёл ставить чайник. Резкий, измотанный и мокрый, упал на старый матрас и закрыл глаза, но я видел, что он не спал — прислушивался к каждому звуку.

Я подошёл к Кларе и сел рядом. Она на секунду оторвалась от работы, повернулась ко мне и положила голову мне на плечо. Я ощущал её дрожь, и в этот момент понял: мы больше не чистильщики. Мы семья, которую собрала война, и которая останется вместе до конца.

— Что теперь? — спросила она тихо.

— Теперь решаем, каким будет завтрашний день, — ответил я. — Они думали, что могут стереть правду, убивая людей. Мы сделаем так, чтобы каждый, кто потерял кого-то, знал, что виновные заплатят.

Глава 7. Три недели

Три недели мы не показывались на поверхности. Ангар, который Серый выбрал ещё в первую неделю нашего бегства, стал домом — сырым, холодным, с запахом бензина и оружейной смазки, но домом. Мы установили расписание: двое спят, двое работают, один дежурит. Клара стала нашим главным аналитиком — она обрабатывала массивы данных, сопоставляла факты, выстраивала хронологию. Серый занимался связью и безопасностью, Резкий — технической разведкой и планированием, я — координацией и принятием решений.

Мы опубликовали три промежуточных материала через анонимные каналы, используя старые контакты Клары и Серого. Реакция была громкой: два «генерала», чьи имена фигурировали в документах, были вызваны на допрос; один из них бежал за границу, второй — застрелился в своём кабинете. Третий, самый хитрый, Крутов, исчез вместе с остатками личной охраны. Мы знали, что он не сдастся — будет искать нас, чтобы уничтожить перед тем, как окончательно исчезнуть.

И вот сегодня утром Клара разбудила меня раньше всех. Она стояла у ноутбука с побелевшим лицом и держала в руках распечатку.

— Они вышли на семью Серого, — сказала она. — Он спрятал их в деревне за двести километров отсюда. Там сейчас группа захвата.

Я взглянул на распечатку — это был снимок со спутника с координатами и пометкой «Цель — 3». Серый, который всегда был хладнокровным, при этих словах замер и уронил кружку с остывшим чаем. Я видел, как на его лице проступила тень паники, которую он никогда не позволял себе показывать.

— Ты говорил, они в безопасности, — сказал я, поворачиваясь к нему.

— Думал, что так, — ответил он глухо. — Сменил им документы, имена, увёз в другое место. Не знаю, как они них нашли. Может, через меня самого, когда им звонил. Минута разговора, этого хватило, чтобы засечь.

— Вытащим, — сказал я, даже не думая о риске. — Резкий, карта и маршрут. Клара, свяжись со своими журналистами, пусть готовят второй материал — если у нас не получится, пусть выкладывает всё, что у нас есть. Серый, едем вместе. Выдвигаемся через час.

Мы собрались в рекордные сроки. Я взял винтовку с оптикой и глушителем, плюс четыре обоймы. Резкий — свой дробовик и ящик с дымовыми шашками. Серый молча собрал сумку с провизией и медикаментами. В глазах его застыла сталь — он успокоился, как вода перед бурей, и я понял, что это его личная война, которую он поведёт до конца.

Мы выехали на двух машинах: я и Серый впереди, Резкий в арьергарде, на расстоянии двухсот метров, чтобы не привлекать внимания. Дорога заняла три часа — через поля и лесные просёлки. Деревня оказалась глухой и утопала в зелени — пять домов, церковь, заброшенная ферма. По данным Клары, семья Серого находилась в крайнем доме у леса, где сейчас уже выставили кольцо окружения.

— Их шестеро, — сказал Серый, глядя в бинокль. — По двое с двух сторон, двое в засаде за сараем. Они не тронут моих, пока я не приду. Это ловушка.

— Значит, сделаем так, чтобы они пожалели, что ждали, — ответил я.

Я поднялся на пригорок, лёг за кустом и навёл оптику на ближайшего охранника. Выстрел — глухой, беззвучный — и тот упал в высокую траву. Вторым, который стоял у угла дома, дёрнулся, но Серый уже снял его через открытый люк машины. Резкий запустил дымовую шашку в сторону сарая, и через две минуты мы вошли в дом.

Семья Серого — жена и двое подростков — сидели в подвале, запертые, но целые. Снаружи уже гремели выстрелы — подросла вторая группа, и мы приняли бой на два фронта.

Резкий засел у окна и косил их одного за другим, я прикрывал отход, Серый выводил семью через чёрный ход к машине.

Когда последний выстрел стих, мы стояли на поляне, окружённые дымом и тишиной. Все шестеро нападавших были мертвы или тяжело ранены. Крутов не пришёл — он предпочёл прислать своих людей, но лично не рискнул. Это было и победой, и поражением одновременно: мы спасли семью Серого, но Крутов остался жив и продолжит охоту.

— Уходим, — сказал Серый, сажая жену и детей в машину. — Он знает, что мы здесь. Скоро будет подкрепление.

Мы разделились: Резкий повёз семью Серого на запасную базу в другом районе, я и Серый отправились обратно в ангар, по пути замечая следы. По дороге Серый сказал только одну фразу, и в ней было больше силы, чем во всех наших планах:

— Босс, теперь это не просто работа. Он тронул мою семью. Я убью его.

Понятно, что он это сделает. Но сначала мы должны были найти Крутова. Причем раньше, чем он соберётся с силами для новой атаки.

Клара огорошила нас свежей новостью: она вычислила местоположение Крутова по его старым контактам, которые тот попытался использовать для побега. Он прятался в старом санатории. Охрана — десять человек, но сам он один. Мы дали себе три дня, чтобы подготовиться и добраться, пока он не сорвался с места.

Мы старательно готовили план. Карты, схемы, координаты, точки входа и отхода. Резкий молча собирал снаряжение — я видел, как его руки дрожали. Не то страха, не то от ярости, которую он сдерживал. Возможно, так проявлялся его подавленный синдром. Серый проверял оружие и упаковывал взрывчатку. Клара набивала последние строки своего материала, что должен был выйти через сутки после операции. Если не вернёмся, правда всё равно выйдет наружу. Только нам она уже не понадобится.

Перед выездом я подошёл к Кларе, обнял её и прошептал:

— Береги себя. Если что-то пойдёт не так, ты знаешь, что делать.

Она кивнула и посмотрела мне в глаза:

— Только вернись.

И мы уехали в ночь, чтобы закончить начатое.

* * *

С горы дул морозный ветер. Санаторий спрятался на склоне, в окружении сосен, и напоминал крепость — массивные стены, решётки на окнах, единственная дорога, просматриваемая на километр. Мы оставили машину за две горы и отправились пешком, неся на себе всё снаряжение, пробираясь через заросли и овраги.

К вечеру вышли на позицию. Бинобль выявил пять человек охраны — остальные, видимо, сидели внутри. Серый развернул карту и показал путь — через старый технический этаж, который не был отмечен в основных планах. Там имелась дверь, что вела прямо в кабинет Крутова. Это был подземный ход для экстренной эвакуации, но мы решили использовать его для атаки.

— Пойду первым, — сказал Серый.

— Добро, — согласился я.

Мы двинулись по склону, прижимаясь к земле. Резкий прикрывал нас, держа в прицеле каждого, кто мог бы заметить. Мы нашли крышку люка, неотличимую от таковой в городе. На крышке даже просматривалась надпись: «Городская канализация». Проржавевший, заросший мхом, но поддался с третьей попытки. Коридор был узким, круглым, низким, бетонным. Мы шли на цыпочках, через каждые десять метров останавливаясь и прислушиваясь. Где-то раздавались голоса и шаги — но они не приближались.

Мы вышли к двери. Я приложил ухо — внутри было тихо. Серый кивнул, и я выбил дверь плечом.

Крутов сидел за столом, с бокалом в руке, глядя на монитор. Когда мы ворвались, он не вздрогнул — он нас ждал. Его глаза встретились с глазами Серого, и я увидел, как он улыбнулся.

— Ждал тебя, — сказал он Серому. — Ты не мог не прийти после того, как я тронул твою семью.

Серый не ответил. Он выстрелил — не в голову, а в плечо, чтобы тот не мог поднять оружие. Крутов завыл, потом побледнел и схватился за рану.

— Ты проиграл, — сказал я, подходя к столу. — У нас всё. Твои архивы, твои записи, твои приказы. Завтра весь мир узнает о тебе.

— Думаешь, что-то изменить? — усмехнулся Крутов через боль. — На моём месте будут другие. Система не сломается, оттого что вы убьёте одного генерала.

— Система не сломается, — согласился я. — Но ты уже не будешь её частью.

Я вытащил из кармана фотографию, которую подобрал в особняке Степаныча — ту самую, с его семьёй. Перевернул её и положил перед Крутовым. На обороте была надпись, которую я сделал сам: «Наше счастье — наше спасение. Твоё — твой приговор».

Он посмотрел на фотографию, и в его глазах мелькнула тень страха. Он понял, что теперь у нас рычаг, чтобы раздавить его. Не физически, — морально. Крутов знал, что мы сможем рассказать им о нём всё. Для него это было страшнее пули.

— Ты победил, — тихо сказал он, отводя взгляд. — Сдаюсь. Забирай меня.

Сдача показалась ему лучше смерти. Ситуация казалась удивительной, вообще-то так не бывает.

Со всеми предосторожностями, мы связали его, заткнули рот, вывели тем же путём и передали Резкому, который уже ждал с машиной. Через час мы были на пути к городу, и в багажнике лежал человек, который управлял тенями последние двадцать лет. Теперь он сам стал тенью.

* * *

Прошёл месяц. Мы тогда передали Крутова в руки прокурорским вместе со всеми доказательствами. Его приняли по всем правилам. Видео с его признанием в сильно урезанном виде опубликовали ведущие СМИ. «генералы», которые оставались на свободе, по различным поводам были арестованы. Система дала трещину — но не рухнула. Слишком много людей смотрели в другую сторону, слишком много денег утекло через офшоры. Но мы сделали всё, что смогли. Вернули правду тем, кто её потерял.

Клара получила премию за расследование года — анонимно, конечно. Серый перевёз семью в другую страну, сменил имена и начал новую жизнь. Резкий, как ни странно, остался — его синдром почти исчез, и он стал партнёром в частном охранном агентстве, которое открыл вместе со мной и Серым. Я же окончательно ушёл в тень — теперь работал как «консультант» для тех, кто не мог обратиться в полицию, и брался только за те дела, в успех которых верил.

Мы виделись редко. Но иногда все встречались — в старом кафе на окраине или в доме у Клары. Я смотрел на лица друзей и видел, что они уже не беглецы. Они стали теми, кто выжил. И это было главным.

Однажды вечером, когда я сидел у окна и смотрел на город, по зашифрованному каналу позвонил Резкий. Его голос звучал спокойно, но я ощущал напряжение.

— Босс, новое дело. Человек просит помощи, говорит, что его семья исчезла. Он вполне платёжеспособен. Там почти такие же обстоятельства, что и у Серого.

Я молчал, глядя на огни города, на тысячи окон, за которыми прятались свои правды и секреты. Потом я затянулся сигаретой и выдохнул дым:

— Давай координаты. Встретимся там завтра в обычное время.

Кажется, ничего ещё не закончилась. Просто перешло в следующую фазу. Мы снова были готовы, но не как чистильщики, не как беглецы, не как мстители, а как наёмные профессионалы.

Глава 8. Новое дело

Новое дело походило на предыдущие наши приключения: сырой бетон, порох и чьи-то отчаяния. Я встретился с клиентом на следующий день в старом книжном на Ленинском. В том самом, где когда-то передавал флешку Кларе. Место имело для нас почти ритуальное значение, и выбрал я его не случайно: если кто-то из старых врагов ещё оставался в городе, они вряд ли ждали меня здесь.

Клиент сидел в углу за столиком с чашкой остывшего кофе. Мужчина лет сорока, с седой на висках и темными кругами под глазами — та бессонница, которая приходит только тогда, когда теряешь кого-то близкого. Он держал в руках какую-то новую книгу и, когда я подошёл, поднял на меня взгляд, в котором плескалась надежда, смешанная с осторожностью.

— Вы Монтёр? — спросил он тихим голосом, который старался звучать твёрже, чем был на самом деле.

Я сел напротив, положил на стол ключи от машины и посмотрел на него в упор.

— Рассказывайте, что случилось.

Он представился. Гавриил, бывший инженер-строитель, владелец небольшой фирмы по косметическому ремонту зданий. Два года назад он взял подряд на восстановление старого дома в элитном посёлке, о котором мы знали слишком много. Тот самый особняк, где началась наша история. При ремонте наткнулся на подвал, в котором не должно было быть ничего, кроме коммуникаций и фундамента. Но там оказалась комната с документами, фотографиями и странным оборудованием.

— Глубже лезть не стал, — сказал Гавриил и сжал чашку. — Сфотографировал всё и хотел показать ребятам в администрации. Думал, чья-то незаконная лаборатория, не хотел шума. А на следующий день жена и дочь исчезли. Просто не пришли домой. Телефоны молчат, машина на месте, соседи ничего не видели. Полиция сказала, что это обычное дело — ушла от меня, забрала ребёнка, бывает. Но я-то знаю, что это не так. Я поднял свои старые контакты, и кто-то рассказал, что вы можете помочь. Сказали, вы знаете, как работают такие люди.

Я молчал, глядя на него, и чувствовал, как внутри затягивается старый узел. Особняк. Подвал. Документы, которые кто-то оставил в недрах земли. Всё очень знакомо. Тот же стиль. Похоже, система оставила свои корни.

— У вас с собой эти фотографии? — спросил я.

— Распечатал для вас.

Гавриил кивнул, вытащил из портфеля запечатанный конверт и протянул мне. Я открыл его, пробежался взглядом по снимкам. Комната с низким потолком, стеллажи с папками, на стене — большая карта области, испещрённая красными метками, и на одной из меток я узнал координаты того самого бункера под станцией, где мы прятались.

— Это не лаборатория, — сказал я, убирая фотографии в карман. — Это центр управления. Тот, кто его построил, явно не хотел, чтобы его нашли. Но нашли вы. А они нашли вас.

Гавриил побледнел.

— Они их убьют?

— Не думаю, — ответил я. — Если бы хотели, убили бы. Им что-то от вас нужно. Возможно, думают, что вы взяли больше, чем просто фотографии. Может, случайно забрали что-то, что им позарез необходимо. Они боятся, что вы знаете больше, чем сказали полиции.

— И что теперь делать? — растерянно спросил он.

Я поднялся.

— Будем работать. Но предупреждаю: вы должны делать всё, что скажу. В точности и без вопросов. Вам придётся исчезнуть на несколько дней, пока не выясним, кто держит вашу семью. И возможно, придётся заплатить не только деньгами.

— На всё согласен, — сказал он, и в голосе его не было ни капли сомнения. — Лишь бы они живы остались.

Это он зря так. Никогда не надо говорить, что «на всё согласен». Ни при каких обстоятельствах. Бизнесмен вроде бы, строитель, а такое ляпнул. Я списал это на стресс и растерянность. Дал ему адрес — тот самый, где мы собирались перед атакой на «Берёзки». Туда же отправил и Серого с Резким.

Мы встретились через два часа, когда солнце уже клонилось к закату, и мой старый универсал, который Серый перегнал сюда, стоял у входа в ангар.

— Снова работаем? — Он выглядел спокойным — почти отрешенным, но я знал его достаточно, чтобы заметить искру в глазах. Он соскучился по делу, как по чему-то родному.

— Снова, — ответил я. — Особняк, в который нас тогда послал Степаныч на чистку. Под ним строители нашли новый уровень. И теперь есть человек, семью которого взяли, чтобы молчал. Или наоборот — чтобы он что-то рассказал.

Серый, который уже успел развернуть ноутбук, остановил меня жестом.

— Босс, у меня кое-что, и это тебя не обрадует. Пробил координаты по старым архивам. Оказывается, подрядчиками Степаныча числилась компания, которая строила этот особняк. Но мы тогда смотрели только первый уровень и подвал, а на схеме есть ещё один — четвёртый, скрытый. Его-то и нашёл наш клиент. Скрытый уровень связан с системой, которую мы считали полностью уничтоженной.

— Какой системой?

— «Сеть», — сказал Серый, поворачивая экран ко мне. — Организация, которая существует параллельно с государством. Степаныч был её оператором, но не главным. Главные — те, кто нанимал его на работу. Они всё это время ждали, когда мы успокоимся и перестанем искать. Теперь они снова активировались.

Я посмотрел на фотографии, которые принёс Гавриил, затем на карту, которую вывел Серый. Красные линии переплетались, сходились в точках, где были отмечены военные объекты, заброшенные заводы, дачные посёлки. И в центре — наш старый особняк, который мы считали просто гнездом Степаныча. Теперь он выглядел как сердце паука.

— Они не оставят в покое семью Гавриила. Похищение, их любимый метод, — сказал я. — Если мы не вмешаемся, жену и дочь либо убьют, либо используют как заложников.

Резкий встал, отряхнул джинсы и подошёл к столу.

— Тогда у нас сутки. Я вбил их имена в базу по пропавшим. Жена и дочь четырнадцати лет. Последний раз их видели у школы в центре. Свидетели говорят о сером минивэне с тонированными стёклами. Дальше — след теряется.

— Значит, нужно прочесать все ближайшие точки «Сети», — сказал Серый. — Я составлю маршрут. Надеюсь ты прав, и у нас двадцать четыре часа, прежде чем они начнут замечать следы.

— Примитивно, но стоит проверить.

Мы выехали в город, когда стемнело. Серый остался в ангаре за пультом, отслеживая передвижения по камерам и собирая информацию из открытых источников. Резкий и я двинулись по маршруту — сначала к школе, потом по следам серого минивэна.

Оказалось, что водитель не особо скрывался — минивэн засветился на заправке в сорока километрах от города, а затем свернул на трассу к посёлку, который мы не могли игнорировать. Там, на самом краю карты, стоял старый санаторий принадлежащий системе. Теперь он был пуст, по документам — закрыт на ремонт. Но мы-то знали, что система никогда ничего не закрывает по-настоящему.

Мы подошли к санаторию с тыльной стороны, оставив машину в полукилометре. Резкий нырнул в кусты, я прикрывал его, держа под прицелом окна. Внутри горел свет в трёх комнатах на первом этаже. Из трубы шёл заметный дым — печь работала, значит, внутри кто-то был.

— Вижу их, — прошептал Резкий в наушник. — Двое мужчин, одна женщина. Она сидит на стуле, связана. Во второй комнате — девочка. Живы.

— Входим, — сказал я, и мы скользнули внутрь через разбитое окно в подсобке.

Мы прошли по коридору, прижимаясь к стене, и я услышал голоса из гостиной. Мужской, грубый, с незнакомым акцентом:

— ...Они приедут сюда завтра утром. Мы их перехватим.

— А что с бабой и девчонкой?

— Пока не трогать. Если не придут — ликвидируем и продолжим по-другому.

Резкий поймал мой взгляд и кивнул. Мы зашли с двух сторон, и через десять секунд тишина вернулась в эту комнату. Я выстрелил в правую руку ближайшего из них, Резкий снял второго выстрелом в плечо. Третий, который стоял у входа в комнату, где была девочка, попытался выхватить оружие, но я и его обездвигил.

Мы освободили женщину и девочку. Девочка плакала, уткнувшись в плечо матери, и я отвёл взгляд, чувствуя, как внутри поднимается горячая волна — не злобы, а какой-то болезненной ясности. Система не умирает. Она просто меняет форму. И теперь у нас было двадцать четыре часа, чтобы уничтожить её окончательно, прежде чем она снова поднимет голову.

— Босс, — сказал Резкий, наклоняясь над одним из захваченных и вынимая у него из кармана сложенную бумагу и какую-то флешку. — Тут карта. Смотри, свежая распечатка. С точками по всей области. Что-то новое.

Я посмотрел на женщину с дочкой, которые уже сидели в машине, укрытые одеялом, и понял: мы снова в игре. И на этот раз не остановимся, пока от системы не останется только тень на старых фотографиях.

Машина рванула с места, унося нас в ночь. На заднем сиденье Марина обнимала дочь и тихо плакала. Резкий сидел на переднем сиденье, и рассматривал карту, которая открылась на экране планшета. Я вёл машину и ощущал, как привычный холод снова заполняет грудную клетку.

— Клара ждёт, — сказал я, не отрывая взгляда от дороги. — Подготовит новую публикацию. Резкий проанализирует данные. Мы должны понять, кто теперь управляет «Сетью» и как быстро они смогут перегруппироваться.

— А эти? — спросил Резкий, кивая на санаторий, который уже исчез в зеркале заднего вида.

— Мы были в масках, они ничего не видели и не скажут, даже если их будут пытаться. Они расходный материал. Но флешка — ключ. Если повезёт, выйдем на координатора быстрее, чем они узнают о потере своих людей.

Мы въехали в лес, когда небо уже начинало светлеть. Убежище — бывший бункер связи, который Серый нашёл ещё в первые дни нашего бегства, — встретило нас теплом и светом. Клара уже была там: она сидела за столом с ноутбуком, пила горячий чай и просматривала новости. Увидев нас, она встала, подошла к Марине и Алисе, взяла девочку за руку и повела в комнату с раскладным диваном.

— Отдыхайте, — сказала она мягко. — Вы в безопасности. Мы позаботимся о вас.

Я подошёл к столу, вытащил флешку и вставил в ноутбук. Серый уже подключил монитор, и через минуту на экране загрузились файлы: списки, фотографии, координаты. И одно имя, которое я увидел, заставило меня замереть.

— Пётр Бельский, — прочитал я вслух. — Бывший замначальника управления по особым вопросам. Считался мёртвым уже десять лет. Похоронен с воинскими почестями. Даже фотки есть.

— А он жив, — сказал Серый, приблизив изображение. — И он на этой фотке.

Я посмотрел на изображение. Высокий мужчина с сединой и холодным, ничего не выражающим взглядом. Тот, кто должен был быть мёртв, но продолжал управлять тенями.

— Он наш главный, — сказал я. — Если возьмём, «Сеть» рухнет окончательно.

— Сомневаюсь. А если нет, — отозвался Резкий, — то станем её частью. Как Слизень. Как Крутов. Как сам Степаныч.

— Сплюнь. Готовим операцию без компромиссов, — сказал я, поворачиваясь к ним.

Наверху, за стенами бункера занимался новый день. В этом я видел не просто начало, а продолжение войны, которую мы начали в тот миг, когда впервые шагнули в особняк Степаныча. Обратного пути нет и не будет. Мы или закончим, или закончат нас.

Через час Клара вышла из комнаты, где устроила женщину с девочкой, и подошла к столу. Она посмотрела на фото Бельского, затем на меня, и я увидел в её глазах ту же сталь, что и в тот вечер на причале.

— Они спят. А я знаю, где Бельский, — сказала она тихо. — Проследила старые связи. Он не просто «генерал». Он владелец сети частных клиник в соседнем государстве. Они маскируют лаборатории под реабилитационные центры. А ещё я знаю адрес его главного офиса.

— Откуда?

— Оттуда, — не стала вдаваться Клара.

Она положила передо мной сложенный лист бумаги с координатами.

— Это в пяти часах езды. Если решим ехать туда, там будет не просто операция. Там будет часть войны против целой системы, у которой есть поддержка.

Я взял бумагу, сложил её и убрал во внутренний карман куртки.

— Мы идём. Но сначала — перегруппируемся. Нужны новые документы, машины, деньги. И планы. Много планов.

Резкий уже открыл ноутбук и начал искать маршруты, обходные пути, возможности подкупа местных чиновников. Серый потянулся за второй кружкой чая и улыбнулся.

— Знаешь, Босс, в прошлый раз мы шли к Степанычу с пистолетами и всякими прибайбасами. Теперь идём с папками и координатами. Хоть что-то новенькое.

— Нет, — отмахнулся я. — Всё старенькое. Мы всё те же, просто игра стала крупнее. Оружие у нас тоже есть.

Я вышел на крыльцо, вдохнул утренний воздух и посмотрел на лес, который начинал просыпаться вместе с нами. Впереди была дорога, полная неясностей, и я не знал, все ли из нас вернутся. Но знал, что мы не остановимся.

За моей спиной открылась дверь, Резкий вышел следом, встал рядом и положил руку мне на плечо.

— Справимся Босс, — сказал он. Как бы мне хотелось услышать в его голосе ту же спокойную уверенность, что была в нём когда-то.

Я кивнул, не оборачиваясь.

— Знаю. Будем готовиться.

Готовиться мы начали не с оружия и взрывчатки, а с тишины. Тишина — это первое, чему учит работа в тени: нужно уметь исчезать, не оставляя после себя даже эха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.